

Алексей Яковлев

ПРОКЛЯТЬЕ КЛЕОПАТРЫ

Книга первая
КОЛДУНЬЯ ИНДИГО

Проклятие Клеопатры

Алексей Яковлев
Колдунья-индиго

«Геликон Плюс»

2014

Яковлев А.

Колдунья-индиго / А. Яковлев — «Геликон Плюс»,
2014 — (Проклятие Клеопатры)

Во все времена среди тысяч обычных людей едва ли можно было отыскать хотя бы одного человека, обладающего паранормальными способностями. Но в конце двадцатого века, в годы перестройки, вдруг обнаружилось, что на свет все чаще стали появляться дети, от рождения наделенные сверхъестественными, поистине магическими силами. Ученые назвали этих чудо-детей «дети индиго». Герой романа «Проклятие Клеопатры» капитан УГРО Глеб Панов приезжает в поместье миллиардера Никандрова с надеждой, распутав обстоятельства таинственного похищения его пасынка, получить щедрый гонорар от благодарного отчима. Однако опытный сыщик сам запутывается в колдовских сетях никандровской дочери – индиго Юлии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Яковлев

Колдунья-индиго

© Яковлев А, текст, 2014

© Геликон Плюс, макет, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Старший оперуполномоченный УГРО капитан Глеб Панов, среди друзей известный под прозвищем Пан, приоткрыл дверь в кабинет своего шефа, полковника Медведева. На этот раз капитан пришел не за очередными ЦУ, а по приятному поводу – пригласить начальника на товарищеский фуршет по случаю своего ухода в очередной отпуск. Медведев был демократичным руководителем и, хотя пьянок не терпел, от дружеского общения с подчиненными в неформальной обстановке не отказывался. Заглянув в кабинет, Панов увидел, что начальник отдела разговаривает по телефону, и хотел скромно ретироваться, но полковник, не прерывая беседы, жестом поманил его к себе и указал на стул.

– Тебя-то мне и надо! – положив телефонную трубку, поприветствовал он все еще мявшегося у дверей подчиненного. – Садись, садись, в ногах правды нет, – и полковник вновь указал Панову на стул.

– Да я, Сергей Сергеич, только на минутку, пригласить вас по случаю своего отбытия, так сказать, – кислым тоном ответил Пан, по горькому опыту зная, что желание начальства пообщаться с ним обычно не сулит ничего хорошего.

– Вот насчет отпуска я и хотел с тобой поговорить, – успокоил отпускника Медведев. – Ты ведь опять собираешься где-нибудь калымить?

Всему отделу было известно, что Панов, оставивший жене после развода свою квартиру, уже два года ютился в общежитии и, переименованный поэтому друзьями из Пана в Полупана, мечтал купить себе комнату в коммуналке. Все свободное от службы время он подрабатывал, где только можно, а на время отпуска нанимался в комплексную бригаду, оборудовавшую особняки новых русских электронной сигнализацией. Бригадир был его хорошим знакомым и, зная Панова как мастера на все руки, поручал ему самую ответственную работу. Поэтому Глеб подтвердил, что в принципе уже почти подрядился оснастить электронной начинкой очередную новостройку в ближнем Подмоскowie.

– Надеюсь прилично заработать, – не удержался Полупан от хвастовства.

– А! – пренебрежительно махнул рукой Медведев, услышав о сумме предполагаемого гонорара. – У меня есть для тебя работа поденежней и связанная не только с электроникой, но и с твоей основной профессией. Про Никандрова Андрея Николаевича слышал? Тебе эта фамилия ни о чем не говорит?

Панов неопределенно пожал плечами. Вроде фамилия знакомая, но ничего конкретного не припоминалось. Во всяком случае, по уголовным делам, которые он разрабатывал, такой фигурант точно не проходил.

– Не в ту сторону смотришь, – рассмеялся Медведев. – Нужно за серьезной прессой следить. Тогда бы ты Никандрова не забыл. Это же крупный бизнесмен, чуть ли не флагман отечественной фармацевтики.

– А-а-а, – догадался Глеб. – Он один из боссов лекарственной мафии?

– Так сразу и мафии, – не согласился Медведев. – Или забыл? Гражданин считается невиновным, пока в судебном порядке... И так далее... Никандров просто крупный предприниматель, толстый денежный мешок и мой давний знакомый. Еще по тем временам... Но сейчас не об этом. У него случилось несчастье – похитили сына. Мальчику четырнадцать лет. Похитители позвонили и предупредили, чтобы родители в полицию не обращались и вообще не предпринимали никаких действий по его розыску. А выкуп потребовали пустячный – всего пятьдесят тысяч долларов. Для Никандрова это – тьфу! Деньги он заплатил, но полицию проинформировал и свою службу безопасности, понятное дело, тоже подключил. Похитителям это откуда-то сразу стало известно. Сына они не вернули, а потребовали еще сто тысяч долларов и пригрозили убить ребенка, если полиция и никандровские секьюрити не успокоятся.

Жена Никандрова в истерике, требует от мужа ничего не предпринимать, а заплатить. Жизнь сына ей дороже любых денег! Никандров же не уверен, что сына возвратят и после следующей выплаты. Шантажисты будут вымогать деньги, пока им платят, а потом убьют ребенка. Если уже не убили. Но полицию и своих секьюрити он теперь задействовать опасается: как бы опять не произошла утечка информации, а главное, жена категорически против. Вот он и попросил меня по старой дружбе подобрать ему человека, чтобы тот выяснил, не связан ли кто-нибудь из обслуги с похитителями. Я сразу вспомнил о тебе. Особняк у Никандрова здоровенный, всяких электронных и компьютерных примочек там хватает, и сигнализация по периметру ограды барахлит. Ты во всем этом хозяйстве прекрасно разбираешься и ни у кого из обслуги не вызовешь подозрений. Проверишь там всех на вшивость и заработаешь раза в четыре больше, чем в своей комплексной бригаде.

«Да, – подумал Глеб, – это предложение, от которого жаль отказываться».

– Значит, мне придется искать «крота» не только среди никандровских секьюрити, но и среди домашней челяди? – уточнил он. – И через бандитского осведомителя выйти на похитителей, если это не дело рук самого «крота»? И еще, нужно ли мне шифроваться и от членов никандровского семейства, я имею в виду его жену? Неужели Никандров не может убедить супругу в необходимости хотя бы в негласном порядке прибегнуть к помощи полиции?

– Ты во многом мог убедить свою бывшую жену? – резонно возразил Медведев. – А никандровская половина на двадцать лет моложе мужа да еще и бывшая фотомодель и победительница какого-то там конкурса красоты. Попробуй такую в чем-нибудь убеди, когда она окончательно свихнулась, впрочем, на этот раз по вполне уважительной причине. Нет, о том, что ты сыщик, будет знать только Никандров. А для всех остальных – ты нанятый квалифицированный работяга, пусть и бывший полицейский, зачисленный в штат обслуги кем-то вроде лакея с высшим техническим образованием. Но с самим Никандровым у тебя особых проблем не возникнет. Я с ним знаком уже давно, еще с догорбачевских времен, – Медведев жестом изобразил туманную историческую даль. – Тогда он был мужик неплохой, неглупый и здоровомыслящий, но теперь шальные деньги его, конечно, отчасти испортили. Хотя Никандров далеко не худший представитель нынешней бизнес-элиты, – почувствовав сомнительность своего комплимента, Медведев поспешил подкрепить заманчивое предложение более вескими доводами: – Зато это расследование будет чистое, интеллигентное: никаких тебе опознаний растерзанных трупов, эксгумаций, моргов... Только наблюдай себе да делай умозаключения, вроде Эркюля Пуаро...

– Хорошо бы, – вздохнул Глеб. – А то у меня нервы стали совсем ни к черту: всё девочки кровавые в глазах да разрытые могилы...

– Сочувствую, – кивнул головой полковник. – Последнее дело тебе досталось особенно тяжелое. Поймать душегуба не могли десять лет, а ты справился. Молодец, можешь испытывать чувство законной гордости.

При последних словах начальника Панов скривился, как будто ему в рот засунули гнилой лимон:

– Чем гордиться? Зашел в кабинет следователя Терентьева, хотел поприсутствовать на допросе. Допрос! Людоед рассказывает, какая у него тонкая душа, художественная натура, даже декламирует стихи. Но кто еще участвовал в кровавых оргиях, запомнил: надеется, что подельники, оставшись на свободе, будут ему благодарны за молчание и потом помогут... А Терентьев улыбается, папиросками его угощает. Я б ему показал стихи и папироски! Он бы у меня живо всех вспомнил и прекратил придуриваться! Ведь я поймал эту тварь на месте преступления: у еще живой девчонки отрезал куски мяса! Несчастная, умирая, успела рассказать, что кроме этого изверга над ней издевались еще и другие. Какие могут быть с бесспорным убийцей церемонии?!

– Закон обязателен для всех и всегда, – охладил пыл подчиненного полковник. – Нарушишь закон – сам попадешь под следствие за применение недозволённых методов!

– А это дозволено – убийцу, людоеда, садиста признавать невменяемым? По справедливости гадину уже сто раз нужно было расстрелять, а его даже не посадили в тюрьму! Отправили лечиться на мягкую кровать и белые простынки!

– Решение принял суд на основании заключения экспертов-психиатров, – развел руками Медведев. – Фемида – дама бесстрастная и беспристрастная. Не зря же у нее глаза завязаны плотно.

– Ну, у нашей Фемиды один глаз с бельмом и точно спрятан под повязкой, – отчасти согласился с начальником Панов. – Зато второе око орлиное и глядит, куда прикажут. Так что к богине правосудия у меня вопросов нет. А вот насчет божества судебной психиатрии имеются некоторые сомнения. Не припасены ли у этого небожителя в белом халате про запас сразу две справки: одна – о собственном слабоумии, а вторая – об освобождении на этом основании от ответственности за взяточничество в крупных размерах?

Медведев хотел было рыкнуть на зарвавшегося подчиненного и призвать его к порядку, но вовремя вспомнил, что в отделе осталось опытных разыскников раз-два и обчелся. Все ветераны давно разбежались по частным структурам, а на их место пришли зеленые мальчишки. Пока новобранцы наберутся опыта, пройдут годы. А кому сегодня ловить преступников? Панов – один из лучших среди еще оставшихся закаленных бойцов. Полковник посмотрел на волевое лицо Глеба, окинул взглядом его атлетическую фигуру. Да, такого орла с руками оторвут в любом частном детективном агентстве, а богатые матроны передерутся, желая сделать этого красавчика охранителем своих напарфюмеренных телес. И по технической части Панов теперь может пойти, ведь институтский диплом уже у него в кармане... И благоразумный начальник предпочел воздействовать на строптивого капитана не строгостью, а лаской:

– Вижу, вижу, тебе действительно следует отдохнуть и подлечить нервы. Вот и отправляйся завтра же утром в никандровское имение. Свой особняк наш босс фармацевтики построил на месте бывшего пионерского лагеря. Райское место. Вокруг чудесная подмосковная природа. Не зря раньше говорили: «Все лучшее – детям». Настоящий приют для необременительного творческого труда и отдыха! Просвечивай повнимательней никандровскую службу да напевай себе под нос: «Как упоительны на даче вечера...» Выйдешь на похитителей – Никандров тебя щедро отблагодарит, а не выйдешь – хороший гонорар все равно уже обговорен. Неудачи бывают у целых следственных бригад, что спрашивать с получастного детектива-одиночки!? Я же советовал Никандрову не обращать внимания на истерики жены и подключить к поискам сына полицию по полной программе, но он отказался. Что ж, хозяин – барин... Но при всем том я на тебя крепко надеюсь и даже почти уверен, что ты сможешь помочь горю безутешных родителей. Дерзай!

Глава 2

В утренней электричке, мчавшейся из столицы, народу было немного. Зато встречные электропоезда казались набитыми под завязку. Радуюсь, что, вырвавшись из давки в метро, он не угодил в новую ходынку, Панов привольно откинулся на спинку обитого дерматином сиденья и стал рассматривать мелькавший за окном архитектурный пейзаж.

Ехали уже минут двадцать, а мегаполис все не кончался. Смотреть на сменявшие друг друга многоэтажки, башни и выбитые окна мертвых заводских корпусов скоро надоело, и Глеб перенес внимание на попутчиков. Напротив него дремал интеллигентного вида лысоватый мужчина лет тридцати, в строгом черном костюме, белой сорочке с вишнево-оранжевым галстуком и с большим полиэтиленовым пакетом у ног, украшенным изображением британского флага и надписью по-английски: «Правь, Британия, морями». Из пакета торчал саженец плодового дерева. Еще усаживаясь, мужчина с отвращением огляделся вокруг и доверительно сообщил Глебу, что его «ауди» внезапно сломалась и ему волей-неволей пришлось воспользоваться общественным транспортом. Слово «общественный» лысоватый произнес с омерзением, а «транспорт» – пренебрежительно. Его социальный статус угадывался легко. «Дилер или брокер, – уверенно определил Панов. – Едет на собственную дачку. Задержался с посадкой дорогого экзотического деревца, вот и пришлось пожертвовать статусом и соприкоснуться с широкими плебейскими массами». Рядом с «дилером-брокером» подремывал кряжистый мужик лет сорока, по виду – работяга. Бывший гегемон чуток притомился после ночной смены. Третьим визави был пенсионер, клевавший носом над газетой. Сам Панов находился в прекрасном окружении: с двух сторон находились представительницы прекрасного пола. Слева меланхолично полуприкрыла глаза темноволосая девушка лет двадцати двух с журналом «Лиза» на коленях, а справа сидела заплаканная женщина предпенсионного возраста в черном платке. Глаза ее были закрыты.

Глеб уже решил, что ему всю дорогу придется пребывать в этом сонном царстве, но нашелся-таки катализатор, взбаламутивший спокойное общество. Нарушителями стали два расхристанных парня, синеющие татуировками от перстней на пальцах рук до физиономий неизвестных красавиц с обещанием любить и ждать до гроба на предплечьях. Эти и другие граффити тюремно-романтического содержания обличали в молодых людях недавних выпускников ГУИНа. Друзья по счастью праздновали обретение долгожданной свободы и по этому случаю были пьяны вдрабадан. Окропив пассажиров словесным душем, обильно сдобренным ненормативной лексикой, вольноотпущенники удалились на подкашивающихся ногах навстречу новой свободной жизни, а проснувшиеся и взбаламученные пассажиры не замедлили прокомментировать отечественную пенитенциарную систему.

– Опять навыпускали, сволочи! – возмутился пенсионер, обругав неизвестно кого: то ли мудрых законодателей, осчастлививших граждан еще одной амнистией и небескорыстно поразивших эков условно-досрочной благодатью, то ли самих бывших узников криминальной бессовестности, то ли всех перечисленных вместе взятых.

– Добрые люди едут на работу или с работы, а эти бугаи, молодые, здоровые, с утра водку жрут! – разделила возмущение пенсионера женщина в черном платке.

– А где им работать? – возразил работяга. – На нашем заводе раньше трудилось двенадцать тысяч человек, а сейчас дай бог если осталось человек четыреста. Станки стояли уникальные, так все отправили в металллом, а цеха сдали индусам, вьетнамцам, китайцам и еще невесть кому под склады импортного барахла.

– На что же они пьют, если не работают?! – продолжала возмущаться женщина в платке. – Или не успели освободиться, а уже снова воюют?!

– В лагере заключенные трудятся и получают за свой труд зарплату, – разъярил «дилер-брокер». – Это вам не бывший советский ГУЛАГ, где людей унижали и заставляли работать бесплатно. Теперь бывшие осужденные выходят на волю с солидной суммой денег в кармане.

– Трудятся?! – вдруг невеста с чего взбеленился работяга. – Варежки они шьют, шовчики строчат. Здоровенные лбы! А на Дальнем Востоке лес исполу валят корейцы и китайцы! Лесом наше государство с ними расплачивается! А миллион здоровенных оборотов тряпочки сшивают в теплых цехах!

– Действительно, – поддержал работягу пенсионер. – Текстильная промышленность развалена, про швейные предприятия нечего и говорить, сотни тысяч профессиональных швей и ткачих мыкаются без работы, а они взломщиков и бандитов сажают за швейные машинки. Идиоты!

– Россия подписала международный договор о запрещении принудительного труда! – напомнил «дилер». – Желает человек работать – работает, а не желает – его право. Права человека должны соблюдаться и в отношении осужденных. Времена ГУЛАГа прошли и канули в лету!

– Это уж точно! – неожиданно согласился с дилером пенсионер, который до того поглядывал в его сторону без особой приязни. – Поэтому теперь никто ничего и не боится. А чего бояться, если по телевизору каждый день показывают, как хорошо живет экам в колонии? Тут тебе и самодеятельность, и конкурсы красоты, и собственное телевидение, и обучение в школе и институте, и дите твое воспитают бесплатно... Да заключенные такой хорошей жизни на воле и в глаза не видывали!

– Вам не нравится гуманизация пенитенциарной системы? – язвительным тоном обратился к пенсионеру дилер. – Скучаете по прошлым временам? Или вам неведомо, что жестокость наказания еще никого не исправила?

– Я не про исправление, – отмахнулся пенсионер. – Я про то, что идут грабить квартиру и вырезают всю семью; отнимают подержанные «жигули», а водителя убивают; грабят на улице женщину, так нет чтобы просто вырвать у нее из рук сумку – бьют ее железной арматуриной по голове, и из-за сотни рублей человек – инвалид на всю оставшуюся жизнь или вовсе отправляется в мир иной. А в семьях что делается? Муж нажрался – пырнул жену ножом в сердце. Жена упиалась – утюгом или сковородкой раскроила мужу голову. Вот скажи, – неожиданно пенсионер обратился к Панову, – если бы за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами стопроцентно светила «вышка», а «бытовики», кто без отягчающих, не варежки бы шили в теплых комнатах, а по двенадцать часов в день валили лес на тридцатиградусном морозе вместо корейцев и китайцев, продолжали бы убивать с такой легкостью?

Панову не хотелось ввязываться в спор, потому что все разговоры на подобные темы кончаются одинаково: спорщики начинают хором поносить полицию; а на их многострадальное ведомство и так навесили всех собак. Еще хорошо, что он в штатском и соседи не догадываются о его профессиональной принадлежности. Поэтому Глеб ответил сдержанно:

– Суровость наказания, конечно, положительно влияет на криминальную обстановку в стране, иначе зачем тогда существует Уголовный кодекс? Ведь в нем сказано, что чем преступление тяжелее, тем суровее предусматривается мера наказания. И не влияй это на правонарушителей, законодатель ограничился бы общественным порицанием или штрафом – как за мелкое хулиганство, так и за тяжкое преступление. С другой стороны, есть типы, которых и смертной казнью не испугаешь, не то что какой-то суровостью наказания. Но таких, к счастью, немного. И в их отношении применение высшей меры может дать только одну гарантию: убийца уж точно никогда не выйдет на свободу и больше никого не убьет. В противном случае рецидив, как показывает статистика, очень даже возможен.

Не успел Панов завершить свою сентенцию, как тут же пожалел о сказанном: его красноречие пробудило черноволосую девицу с «Лизой» на коленях. Она не принимала участия в разговоре и только хлопала накрашенными ресницами, а теперь вдруг сообщила:

– У нас сосед – пьянь из пьяни и воруго, каких свет не видывал. Сколько раз сидел, а последний раз – за убийство. Он с дружками ограбил и задушил таксиста. Недавно освободился условно-досрочно, опять начал пьянствовать и воровать и нажрался до того, что спьяну взял ружье и выстрелил в лицо прохожему. Выбил тому оба глаза, ну и лицо, конечно, все изуродовал. А парень хороший, только что закончил институт и стал инженером. Жена у него молодая, двадцать один год, мы с ней подружки. Она теперь плачет-убивается: муж совсем слепой, до сих пор лежит в больнице, а у нее дочка на руках, полтора годика ей всего. Живет у свекрови. Раньше свекровь ей помогала, сидела с внучкой, а сейчас от горя слегла. И что ей теперь делать, подружка не знает. А с этой пьяни как с гуся вода: «Пускай, говорит, сажают, мне там лучше».

Разговорившаяся брюнетка словно открыла ящик Пандоры, откуда полезли истории одна чудовищней другой. Каждый из собеседников счел своим долгом извлечь свой рассказ из бытовой копилки пореформенных ужастиков. Пенсионер поведал горестную историю своих односельчан, которых угораздило заняться мелким семейным бизнесом. Уж какие там капали рокфеллеровские доходы от пошива и продажи меховых шапок, соседям осталось неизвестно, но налета бандюков надомные скорняки не избежали. Несчастных зарезали после зверских пыток, а в доме в поисках денег все перевернули вверх дном.

– А у нас дочка сестры, племянница моя, пропала, – захлопала носом соседка Панова в черном платке. – Ей шестнадцать лет всего было, школу как раз заканчивала. Пошла погулять с подружками – и исчезла. Сестра с мужем обегали всех знакомых – никто ничего не знает. Искали три месяца, и в полицию заявляли, и всюду, а потом наши же, из поселка, пошли на кладбище, навестить могилку матери. Смотрят, а могила разрыта. Вызвали смотрителя, участкового, копнули, а там наша Светочка лежит. Изнасиловали, истерзали всю, перерезали горло и закопали в чужую могилу. Убийц вскоре нашли. Один только что вышел из детской колонии, ему не исполнилось и семнадцати лет, еще двое и того младше. Родители у этих извергов – пьянь запьянцовская, не раз сидели. И детки одного с ними поля ягоды, да вдобавок еще и наркоманы. Следователь сказал, что их опять отправят в детскую колонию как несовершеннолетних. Очень их напугаешь этой колонией! А Сашка, муж сестры, заявил следователю прямо в лицо: «Эти выродки будут живы только пока сидят в колонии, а выйдут, я их все равно убью!» Да что теперь кричать и грозиться: убью – не убью! Светочку уже не вернет, только сам сядет в тюрьму. Бедная девочка, даже пожить не успела... – и женщина утерла слезы концом черного платка.

– Не волнуйтесь, ваш зять не сядет, потому что никого не убьет, – с едва заметной иронией успокоил женщину «дилер». – Не зря говорится: «Не бойся собаки, которая лает, а бойся той, что молчит». Если бы отец девочки действительно собирался разделаться со злодеями, он бы помалкивал, копил доллары к окончанию их срока и искал подходы к нужным людям. А там – выкладывай деньги, и твои обидчики растают, как снег по весне, – зависит только от суммы гонорара. Я раньше работал в риелторской фирме, фирма солидная, но в процессе становления не обходилось без шероховатостей. Кое-кто из клиентов пострадал, остался без квартиры и без денег. Тоже грозили. Но шеф только посмеивался: мол, куда им, быдлу! А потом его все-таки застрелили у дверей собственной квартиры. Типичная заказуха. В полицию таскали всех, гм... пострадавших клиентов фирмы. В конце концов все же выяснили, что шефа заказала его собственная супруга. А как она горевала на похоронах мужа!

– Посадили? – хором спросили женщина в платке и девушка с «Лизой».

– Нет, оправдали за недоказанностью. Адвокат был хороший, и денег немерено. Теперь она хозяйка фирмы, а мне пришлось уйти: стал неуютен. Вот уж подлинно: «Не делай людям добра – не получишь в ответ зла». На суде адвокат все напирал на то, что у подсудимой с

мужем были прекрасные отношения: такая взаимная любовь, прямо морковь! А я-то знал, что шеф спал и видел, как бы избавиться от этой стервы: присосалась к нему, как пиявка. Мог бы об этом сказать, но промолчал, пожалел гадину, Ну она потом и «отблагодарила». Да черт с ней! Ушел, и не жалею. Открыл свою риелторскую фирму, пусть пока небольшую, но лиха беда начало. Если кому потребуется продать или купить квартиру – милости просим прямо ко мне, – и «дилер», оказавшийся риелтором, вручил каждому из собеседников по визитке. Все попутчики из вежливости поддержали рекламную мини-кампанию риэлтора и приняли визитки, только пенсионер, пренебрежительно смяв бумажку, демонстративно бросил ее на пол. Риелтор нахмурился, но ответить на неприязненный жест пенсионера не успел: представитель рабочего класса поторопился внести свою лепту в бесконечную серию ужасных историй.

– Нас четверых начальник цеха послал перевезти мебель на новую квартиру одного бизнесмена, акционера нашего ОАО, так завод теперь называется, – пояснил участник бывшего двенадцатитысячного коллектива. – Бизнесмен оказался человеком не жадным, расплатился честно. Мы решили эту халтурку тут же обмыть. Младший сбегал за бутылкой, сели в скверике. Выпили, туда-сюда, и разъехались по домам. Я-то почти не пил: накануне язва что-то разыгралась. Так только, посидел с мужиками, чтобы не обижались. А вечером мне жена вызвала «скорую». Через два дня узнаю, что молодой, который бегал за водкой, скончался, двое других совсем ослепли и с печенью худо. Меня самого еле откачали...

– Сколько об этом говорят, – укоризненно покачал головой риелтор. – Не покупайте спиртные напитки в ларьках, там любую отраву продадут. Купили бы ту же бутылку в супермаркете, пусть подороже, зато не отравишься.

– В супермаркет с нашей зарплатой не находишься, – возразил работяга. – Но в тот раз мы отоварились именно в супермаркете: бизнесмен живет в элитном районе, там дешевых магазинов совсем нет.

– Они так выживают из центра бедняков, чтобы разместить в их квартирах свои офисы, – сварливым тоном встрял в разговор пенсионер.

Риелтор опять нахмурился, но ему было сейчас не до въедливого старика:

– Что?! Паленую водку начали продавать и в супермаркете?! Это уже полный беспредел! Куда смотрит полиция?!

«Ну, началось, – понял Панов. – Сейчас понесут козла отпущения по кочкам».

Чтобы предвидеть последующее, экстрасенсорные способности не требовались...

– Полиция?! – пенсионер в изумлении всплеснул руками. – Они сами хуже бандитов! Нет чтобы жуликов ловить, им бы только разгонять демонстрации. Недавно пошел на митинг, там меня полицейский мордорот так треснул дубинкой по голове, до сих пор шишка! – и пенсионер, раздвинув редкие волосы, продемонстрировал полицейский «подарок».

– Чего от них ждать! – поддержала пострадавшего женщина в черном платке. – Посмотрите, как они одеты! Кепки, как у немцев каких, куртки из кожзаменителя бомжовые, штаны спущены на ботинки типа лыжных. На лыжах они собрались летом кататься! Шаромыжники!

– Полицейские мафию в упор не видят, – встроился в возмущенный хор работяга. – Только гоняют бабок с укропом по подземным переходам да стригут с приезжих взятки.

Панов не решался заступаться за свое многострадальное ведомство, чтобы не усугублять ситуацию, но риелтор не упустил случая свести счеты с престарелым недоброжелателем:

– Митинг-то, где вас поколотили, небось, был запрещенный? – ехидно уел он пенсионера. – Нечего было на него идти. Сами виноваты: нарушили закон – вот и получили! Цивилизованные люди, если не согласны с решением властей, обращаются в суд, а не вступают в драку с полицией!

У пенсионера от возмущения чуть вставная челюсть не выскочила изо рта:

– Какой закон?! Какой суд?!

– Вот такой и закон, – передразнил его риелтор, – принятый Государственной думой Федерального собрания. А суд районный, потом городской. Постановление не удовлетворит, можно обратиться и в Верховный!

– Суд?! – с таким отвращением повторил пенсионер, как будто ему предложили попробовать азу из дохлой крысы. – Дума?! Там уже давно все продано и куплено!

– Верно! Верно! Везде жулье, сверху донизу! – закивали головами работяга и женщина в черном платке.

И даже брюнетка с «Лизой», хотя вряд ли разбиралась в хитросплетениях ветвей власти, поддержала:

– Они еще подлее, чем даже полиция!

«Вот и наше ведомство дождалось лестной оценки, – с горечью подумал Панов. – Тут не знаешь продыха, день и ночь работаешь на износ за гроши, жизнью рискуешь, вынужден общаться со всякой сволочью, а тебя вместо благодарности успокаивают: “Да, ты подлый, но прочие еще подлее”. Совсем народ сошел с катушек: одних ненавидят, другим завидуют и тоже ненавидят, третьим готовы зубами глотки перегрызть. И когда этому придет конец?»

Долго пребывать в меланхолии Панову не пришлось. Его путешествие заканчивалось. Не показав обиды, Глеб распрощался с хулителями ветвистого древа власти и, великодушно не держа в душе на них зла за огульную критику, направился к выходу.

Глава 3

Оставив путешественника на пригородной подмосковной станции Малинская, электричка прощально повиляла хвостовым вагоном, покачалась на стыках рельсов и умчалась в сиреневую даль. В незапамятные времена в ту сторону молодые московские энтузиасты отправлялись «за туманом и за запахом тайги», дынь и ударных комсомольских строек, а им навстречу меркантильные народные массы ехали в столицу за колбасой и дефицитным ширпотребом. Те застойные времена давно уже канули в Лету. Но и в нынешние реформаторские годы поток страждущих визитеров не иссякал, а напротив, бурлил пуще прежнего. Только теперь они ехали в столицу не за колбасой, а в надежде заработать деньги на ее покупку в местах своего проживания. Некоторые гости столицы, до самого мегаполиса не добравшись, обосновались на подступах к городу-герою. Все пристанционное пространство с обеих сторон железной дороги было застроено, киосками и магазинчиками, заставлено палатками. Хозяева торговых точек, недавно прибывшие в гостеприимную Россию жизнерадостные граждане бывшей братской южной республики, а ныне гордого независимого государства, сами расхваливали дары субтропиков, а обосновавшиеся раньше и уже преуспевшие в коммерции их земляки рачительно следили за наемными продавщицами, абorigенками и гостями из незалежных мест. А те, в свою очередь, усердно старались «показать хозяйский товар лицом». И наконец, как царь царей, король королей и султан султанов, сияя на солнце массивным золотым перстнем на пальце толстой волосатой руки, вальяжно откинутой на опущенное стекло черного «мерса», медленно проехал вдоль торговых рядов сам властитель торгового пространства станции Малинская. Торговцы подобострастно приветствовали его на родном языке, а сын неба в ответ лишь снисходительно кривил заплывшую жиром и заросшую жесткой черной щетиной физиономию. Беседы он удостоил лишь одного земляка, хозяина самого крупного магазина, да и то обменялся с ним лишь парой гортанных фраз.

Прогулявшись между лотков и прилавков, Панов вдоволь налюбовался душистыми плодами южнокавказских плантаций, мирно соседствующих с дарами среднероссийских теплиц и огородов, экзотическими фруктами черного и латиноамериканского континентов и разнообразной мясо-птице-рыбно-молочной продукцией.

До часа, назначенного Никандровым для их встречи, оставалось еще достаточно времени, и Глеб решил немного оглядеться вокруг, а заодно ознакомиться с малинскими достопримечательностями. Этот старый подмосковный дачный поселок, как слышал Панов, славился своей красивой деревянной церковью, построенной еще в девятнадцатом веке и вроде бы даже без единого железного гвоздя. Без труда отыскав дорогу к храму и налюбовавшись на него, Пан захотел навестить еще и старинный дачный театр, стены которого некогда слышали голос самого Шаляпина, а Раневская будто бы начинала там свою артистическую карьеру. Но престарелый местный житель, к которому он обратился с вопросом, как пройти к храму, на этот раз театрального искусства, объяснил, что дорога туда неблизкая да и смотреть там, кроме головешек, нечего. Не считая, конечно, шикарного земельного участка, пребывающего ныне в пустоте и ожидании нового хозяина, столь неделикатном способом выпроводившего оттуда безответную Мельпомену. Взамен погорелого театра приветливый поселянин посоветовал столичному гостю обратить внимание на деревянный дом, построенный, по его уверению, еще баронессой фон Мекк, как и церковь, из целых сосновых бревен. Архитектурный ветеран выглядел на удивление молодо и явно не собирался отправляться на пенсионный слом, надеясь послужить уютным пристанищем еще не одному поколению своих жильцов.

– А вот те дома, – указал пальцем престарелый краевед на дощатых соседей бревенчатого долгожителя, – построены позже, в тридцатые годы двадцатого века, а на следующем участке – и вовсе после войны.

Панов посмотрел в указанном направлении и только сокрушенно покачал головой. В глубине обширной территории, заросшей кустами сирени и частично поломанными фруктовыми деревьями, виднелся остов полусгоревшей дачи. Приют отдохновения героев-победителей в Великой Отечественной войне на соседнем участке временно устоял перед всепожирающим напором огня, но выбитые стекла на террасе и выломанная дверь, затененная кустом шиповника с ярко-красными цветами, без слов повествовали о его неминуемой скорой кончине.

– При Сталине здесь никогда ни одного пожара не было, – прервал грустные размышления Глеба дряхлый ровесник индустриализации и коллективизации. – Потому что, если чего подожжешь, тебе сразу припишут диверсию, связь со всеми заграничными разведками – и к стенке. Даже родственникам не поздоровится. А теперь дома горят как свечи! Любой бомж за бутылку или наркоман за дозу спалит тебе все, что угодно. И глазом не моргнут! А чего им бояться? Кто их станет искать? Никто! А если вдруг случайно и найдут, что с них взять? Ну и отсидят на государственном иждивении годик-другой, им не привыкать, – старец погладил свою лысую макушку, обрамленную редковатой седой растительностью, и вдруг с непонятным ожесточением воскликнул: – Да и хозяева дач тоже хороши! Ведь им предлагали – продайте дома! Не ради, конечно, самих халуп... Посмотрите, какие здесь участки, соток по пятьдесят! А они заартачились: «Жалко, мол, расставаться с родным гнездом, столько всего с ним связано...» Совсем люди одурели, не понимают, в какой стране теперь живут! Вот и сиди на кострище... Не хотели продать по-хорошему, заберут по-плохому. Фонмекковскую-то хоромину никто не трогает, она еще сто лет простоит, потому что участок там с гулькин нос!

Действительно, фонмекковский здоровяк-долгожитель так резко контрастировал с печальными развалинами своих младших архитектурных собратьев, утопающими в опаленной беспощадным пожаром и местами увядшей от огня зелени, что Панова охватил приступ сентиментальной грусти. Ему невольно вспомнились поэтические образы, как нельзя лучше подходящие к случаю: «В кустах горит костер рябины красной, но никого не может он согреть...» А «Полуувядших лилий аромат...» затуманил его голову и подвиг на философские размышления:

– Вот так и люди, как дома: оказался в беспокойное время в спокойном месте – и живи себе без проблем. Будто невидимый ангел-хранитель парит над тобой. А другой всю дорогу считает полученные от злодейки судьбы синяки и шишки. А то и вовсе – спалит тебя к чертовой матери, как эти дачи, или снесут, как гостиницы «Москва» и «Россия». Потому что выбрал себе такую работу: стоять на пути удовлетворения чьих-то беспредельных appetitов.

Словоохотливый попутчик, доковыляв до своей калитки, распрощался с Пановым и подсказал ему, как пройти к пионерскому лагерю «Сосенка»:

– Идите по улице Октябрьской до новостройки. Там какой-то тип купил два участка. Старые постройки, конечно, снес и возводит незнамо что: то ли королевский дворец, то ли висячие сады Семирамиды. А вы пройдите еще квартал и заверните налево, на улицу Советскую, и идите по ней, пока не увидите кирпичную стену и в ней бронзовые ворота, чуть поменьше кремлевских, пройдете это владение и окажетесь на улице Пролетарской. Там тоже высоченная кирпичная стена, а ворота резные и побольше кремлевских. Это и есть бывший пионерский лагерь «Сосенка», а теперь – чье-то поместье. Желаю вам приятной прогулки!

Раздумывая над превратностями жизни, Глеб неспешно шагал по песчаному тротуару, поросшему по обочинам подорожником и одуванчиками и не оскверненному пока еще асфальтом, как проезжая часть. Буйная майская растительность преодолевала ограды из ветхого штaketника и зелено-сиреневым черемуховым шатром нависала над его головой, а пышные клумбы под окнами скромных дачных домишек наполняли воздух еще и цветочными ароматами. Благоприятное общение с природой постепенно освобождало голову Панова от тягостных мыслей, а ласковое солнышко согревало не только его тело, но и душу, настраивая на меланхолический лад. Теперь Глебу хотелось сказать всему и всем – и черемухе, и сирени, и птич-

кам, щебечущим в их густой листве или деловито скачущим по огородным грядкам, и даже кошке, небеспристрастно следящей за их беззаботной суетой с заборного столба: «Мира вам и благоденствия, живите, растите, цветите и...»

Но внезапно его благостные мысли прервал раздраженно-визгливый вопль далекой электрички, напоминавший замечтавшемуся дачнику о существовании реального мира. И тут же к этому звуку присоединился грохот бетономешалки вблизи, и вскоре Глеб увидел высокий дощатый забор, отгораживающий новорусские владения от любопытных взглядов прохожих. Воспользовавшись открытыми воротами, куда как раз пыталась въехать здоровенная неуклюжая «Татра» с длиннющим прицепом, заполненным импортным кирпичом, Панов беспрепятственно проник на заповедную территорию. Перед ним открылась живописная картина строительного муравейника, где роль трудолюбивых муравьев, живущих исключительно по вечным законам природы, исполняли гастарбайтеры-таджики, во множестве копошившиеся на стенах грандиозного строения. В отличие от пышущих оптимизмом пристанционных торговцев, эти гости России имели самый жалкий и затрапезный вид. Жили бедолаги тут же, в деревянной бытовке. На веревке сушилась их немудреная одежонка, а на костре, в здоровенной кастрюле, булькало какое-то национальное кушанье, распространяя далеко вокруг острый запах восточных приправ и не очень свежего мяса. Присматривавший за костром и кастрюлей молодой таджик с золотыми коронками на передних зубах охотно пообщался с Глебом и рассказал ему, кстати, на чистом русском языке, безо всякого акцента, о бедах и горестях их дружной бригады. Никто из работяг не имел ни разрешения на работу, ни регистрации.

– Живем на птичьих правах. Прячемся за забором, на улицу не высовываем и носа, а когда приходится идти в магазин, бегаем от полиции, как зайцы. И так уже не первый год! Местные в своих квартирах регистрировать не хотят, а без регистрации ты нелегал и прав у тебя нету никаких. Могут и недоплатить, и вообще не заплатить за работу, а начнешь возникать – вышлют.

Пан почувствовал жертвам эпохи перемен, но в бытовку все же заглянул. Не то чтобы он надеялся обнаружить там похищенного сына Никандрова, хотя мизерная сумма выкупа, назначенная похитителями, и наводила на мысль, что преступники, во-первых, люди неприязнительные, а во-вторых, не знают, кто здесь кто и сколько этот «кто» стоит. Перечисленные параметры не очень соответствовали менталитету пристанционных торговцев: уж они содрали бы с Никандрова минимум пятьсот тысяч долларов. А вот к гастарбайтерам из солнечного Таджикистана эти мерки подходили как нельзя лучше. Но если они и приложили руку к этому делу, парнишку вряд ли станут прятать в бытовке. Полиция наверняка наведывается на эту стройку хотя бы за тем, чтобы получить свою малую мзду с нелегалов. С другой стороны, чего только на свете не случается! И Глеб решил осмотреть и саму строящуюся хоромину, и прилегающую к ней обширную территорию. Прорабу, на которого ему указал любезный таджик, он представился специалистом по различным системам и предложил услуги своей команды для установки охранной сигнализации, уточнив, что лично он не откажется и от другой работы, лишь бы хорошо заплатили. Но гастарбайтеров начальник и бетономешалки командир объяснил алчущему заработка соотечественнику, что здесь ему пока ничего не светит. Особняк замышляется грандиозных размеров, с колоннами и башнями, так что строительство еще в самом начале и работы для гастарбайтеров – непочатый край. А класть кирпичи за такую зарплату ни один местный каменщик никогда не согласится. Устанавливать сигнализацию, конечно, обязательно будут, но позже. И если они договорятся, тут прораб многозначительно потер большим пальцем указательный, то он порекомендует хозяину пригласить именно их бригаду.

– Ну это уж как положено, – успокоил Панов меркантильного прораба. – А пока можно мне прикинуть будущий фронт работ?

– Конечно, конечно, – улыбнулся предприимчивый строитель. – Надеюсь, что вскоре и вы хорошо заработаете, и я не окажусь внакладе.

– Только так! – подтвердил Глеб. – Мы умеем быть благодарными.

Панов тщательно осмотрел стройку и участок, но никаких схронов и тайников не обнаружил. Здесь похищенного мальчика точно не было. Порадовавшись, что совместил полезное с приятным для собственного кармана, Пан оставил прорабу телефон своего хорошего знакомого – бригадира, под чьим руководством он подрабатывал в свободное от службы время, и, покинув ударную стройку капитализма, отправился разыскивать бывшую «Сосенку». На улице Советской он обозрел кирпичную стену, о которой упоминал престарелый малинский житель, и впечатлился ее размерами. Но попав на Пролетарскую улицу, Панов увидел нечто еще более удивительное. Здесь бывшая Берлинская стена соперничала с Великой Китайской, а им обоим утирал нос Железный занавес, напичканный электроникой по самое некуда. И вся троица воплощалась в одной ограде никандровской усадьбы, резным железным воротам которой могла позавидовать сама Боровицкая башня Кремля. Взглянув на это великолепиие, любой объективный наблюдатель признал бы, что пионерский лагерь санаторного типа «Сосенка» упокоился в надежных руках.

Не успел Глеб наглядеться на Великий никандровский кирпичный занавес, как Нью-Боровицкие ворота с тихим благородным жужжанием въехали в стену, а из усадьбы на Пролетарскую стрит выехала на чистокровной английской кобыле юная миловидная леди в кокетливой кепочке на светлых кудряшках, в белой, якобы мужской, рубашке аристократически-небрежного фасона а-ля лорд Байрон. Наряд изящной мисс дополняли бриджи с сапогами, хлыст, дорогие темные очки и притороченное к седлу ружье. Неизвестно, какую дичь в подмосковном лесу, где гуляющие дачники встречаются чаще, чем бродячие собаки в столице, собиралась подстрелить эта Диана-охотница, но было ясно, что любой живности при встрече с ней не поздоровится. Девица явно пребывала в расстроенных чувствах, плохое настроение выплескивалось из нее, как кипящее молоко из кастрюли. На прощанье эта богиня раздражения обругала охранника, недостаточно быстро, по ее мнению, открывшего ей ворота, рывкнула на Панова, оказавшегося на пути ее Россинантки, врезала лошади хлыстом по крупу, с ходу пустив ее галопом, и вихрем умчалась в сторону леса, примыкавшего к территории бывшей «Сосенки». Глеб проводил взглядом очаровательную наездницу и подумал, что внешне новые российские аристократки и аристократы ничем не отличаются от английских леди и лордов, какими их изображают в романах и показывают в телесериалах. Нашим, пожалуй, не хватает пока только английской чопорности да традиционного для британских эсквайров увлечения лисьей охотой с гончими.

Тем временем охранник из проема закрывающихся ворот и видеочамеры со стены с мрачным вниманием взирали на не в меру любопытного прохожего. Глеб поспешил рассеять их подозрения и предъявил телеобъективам удостоверение, а домофону назвал свою фамилию. Железная калитка отворилась, и охранник, лысоватый мужчина лет за сорок с военной выправкой и в камуфляже, пригласил Панова пройти на приватную территорию, но не дальше порога.

– Вам придется подождать начальника охраны. Можно в караулке, там мягкий диван, и я включу для вас телевизор, а если предпочитаете свежий воздух, посидите на лавочке. Извините, что заставляю вас ждать, но у нас такой порядок, – с подкупающей вежливостью объяснил страж ворот.

«Здесь водятся не только английские леди, служба тоже выдрессирована на аглицкий манер», – подумал Пан и ответно улыбнулся охраннику:

– Я, пожалуй, подожду на свежем воздухе. Будьте так любезны...

«И этакого джентльмена мисска только что облаяла за здорово живешь, а он и глазом не моргнул, не то чтобы огрызнуться, хотя бы заочно, – поразился Панов. – Видно, получает очень хорошую зарплату».

Глеб уселся на украшенную резьбой деревянную скамейку под окнами караульного домика, а охранник, вооружившись большим совком и веником, принялся сметать с асфальта в совок подарки, оставленные благородной английской кобылицей. Панов, наблюдая за сборщиком отходов лошадиного естества, отметил наряду с военной выправкой некую одухотворенность его сухощавого лица, не обожженного резкими ветрами стрельбищ и полигонов, и предположил, что перед ним отставной военный, скорее всего бывший штабной офицер или сотрудник какого-нибудь хитрого НИИ в системе Минобороны. Совсем недавно этот радетьель чистоты планировал боевые операции частей и соединений или изобретал новые сверхсекретные виды оружия, а сейчас подметает лошадиное дерьмо! М-да, поручик Голицын и корнет Оболенский вряд ли согласились бы на такую метаморфозу. Но поручики и корнеты не жили в переходную эпоху первоначального криминального хапка и повального рыночного разворывания. Впрочем, полезность гражданина для общества всегда измерялась размерами его денежных доходов. Этот отставник получает у Никандрова в несколько раз больше, чем имел в своем штабе или НИИ, значит, государству и обществу сторожа и подметалы нужнее военных специалистов и ученых. Закончив уборку своего рабочего места, военно-научный аккуратист не стал опорожнять полный совок под нос Панову, в урну, стоящую вблизи резной скамейки, а не поленился отнести пахучее содержимое подальше, метров за двадцать, и ссыпал его в другой контейнер. Потом он спрятал подметальный инвентарь в караулку, сел рядом с Глебом на скамейку и доброжелательно поинтересовался:

– Вы ведь тоже офицер? Значит, нашего полку прибыло?

– Я из МВД, а не армеец, – уточнил Панов и опять показал охраннику свое удостоверение, – капитан Панов Глеб Данилович.

– Все равно – собрат по оружию, – великодушно возразил толерантный штабник и тоже представился: – Подполковник Воробьев Сергей Кузьмич. А вот и начальник охраны, – указал он на джип, мчащийся к воротам по обсаженной высоченными соснами аллее от невидимого за их пышными зелеными кронами никандровского особняка. – Видите, мы не заставили вас долго ждать.

Джип лихо развернулся перед воротами, и из него вылез широкоплечий мужчина средних лет в строгом черном костюме, модных остроносых туфлях и белой рубашке с темно-серым галстуком стального отлива.

«Менеджер, да и только», – мысленно оценил Глеб представительную фигуру и изысканно-выдержанное одеяние начальника охраны.

– Как дела, Сергей Кузьмич? – обменялся рукопожатием с любезным охранником его непосредственный начальник. – Порядок в космических войсках?

– Боевые лазеры и ракетные комплексы военных спутников в минутной готовности! – шуточно отрапортовал швейцар в камуфляже.

«Батюшки, – ахнул про себя Панов, – да никак этот нынешний говночист – штабной ветеран сверхсовременных и сверхсекретных Космических войск! Ну все. Дальше уже катиться некуда...»

Щеголеватый начальник повернулся к Панову, и Глеб заметил, что модный импортный пиджак у него под мышкой заметно оттопыривается. «Как бы не “Стечкин”, наметанным глазом определил Пан. Физиономия начальника показалась ему знакомой. Тот тоже, пожимая Глебу руку, внимательно вглядывался в его лицо.

– По-моему, мы с вами уже где-то встречались?

– И мне так кажется, – согласился Панов. – А вам не приходилось бывать года три назад в горячей точке, в селении Н?

– Приходилось! – так и встрепенулся начальник охраны. – Ну конечно! Я тебя узнал! Ты этот, как его... Панин?

– Панов, – поправил начальство Глеб.

– Ну да, Панов! Сколько лет, сколько зим! – радостно закричал начальник охраны. – А я Новиков, капитаном тогда был. Помнишь меня? Боевой товарищ! – и он заключил Панова в дружеские объятия.

Действительно, два года назад командированный в горячую точку Панов участвовал в совместной боевой операции с армейским подразделением, которым командовал капитан Новиков. Помнится, этот офицер показал себя с хорошей стороны и они с Глебом не то чтобы подружились, но расстались хорошими знакомыми. Обрадованные неожиданной встречей, бойцы повспоминали минувшие дни и общих знакомых. Потом Новиков рассказал, что тогда же и уволился из армии: надоело таскаться по заштатным гарнизонам и ютиться по съемным квартирам. А на гражданке ему наконец повезло – нашел себе хорошее место в охране у Никандрова. По сравнению с тем, что он имеет сейчас, «боевые» и «наградные», которые он получал, ежедневно рискуя жизнью в горячей точке, всего лишь жалкие гроши. Панов в ответ поделился своими бедами и надеждой приобрести собственное жилье, получив гонорар за усовершенствование никандровской системы охранной сигнализации.

– Правильно сделал, что надумал работать на Никандрова, не пожалеешь! Если придешь ко двору, не только на комнату, сумеешь заработать на целую квартиру! – подбодрил «новобранца» начальник охраны.

– Олег Валерьевич, как обычно, ухватил самую суть проблемы, – похвалил Новикова «космический подметала» Сергей Кузьмич. – Как раз за аналитические способности босс и назначил его начальником охраны. Именно, если придется ко двору, обратите на этот момент особое внимание.

– Ничего, мы поможем тебе правильно сориентироваться, введем в курс дела, – успокоил боевого товарища никандровский аналитик. – Шеф вчера улетел в Швейцарию, но распорядился оказывать тебе всяческое содействие. Если нужна дополнительная аппаратура, приборы и все такое – только скажи, все купим и доставим.

– Никандров улетел за границу? – удивился Панов. – А я слышал, что у него случилось несчастье: похитили сына. В его положении люди роют землю носом, а не прохлаждаются по швейцариям...

– Еще раз настоятельно советую вам обратить внимание на слова Олега Валерьевича насчет двора, – менторским тоном напомнил Сергей Кузьмич.

– Ты не подумай, что Андрей Николаевич Никандров какой-нибудь монстр, – заступился за шефа Новиков. – Напротив, он прекрасный отец. У него пятеро детей, правда, все от разных жен. Но он всех детей любит, обо всех заботится, всех обеспечил до конца жизни, никому ни в чем нет отказа... А что улетел за границу, мы сами удивились, но, значит, была на то крайняя необходимость. А какая – он нам не докладывает.

– Кстати, похищенный мальчик не родной его сын, а пасынок, – подкинул материал для анализа Сергей Кузьмич.

– Андрей Николаевич Никандров никогда не относился к пасынку хуже, чем к родным детям, – опять заступился за хозяина Новиков.

– Зато этот Дэн, похищенный пасынок, вот уж кто настоящий монстр, прости господи, что говорю такое о ребенке, но из песни слова не выкинешь, – с явно не свойственной ему горячностью отозвался Сергей Кузьмич.

– Да, что есть, то есть, – неохотно согласился с подчиненным Олег Валерьевич. – Денис, или Дэн, как он велит себя называть, и наркотиками баловался, и подворовывал.

– Ничего себе, «подворовывал» – возмутился Сергей Кузьмич. – Украл у собственной матери перстень ценой в двадцать пять тысяч долларов! А у меня стянул из куртки, что в караулке висела, всю месячную зарплату! Но не брезговал воровать и по мелочам, это верно!

– Маму его, Нелли Григорьевну, нынешнюю жену Никандрова, очень жалко, измучилась с ним, бедняжка. Ничего для сына не жалела: лучшие учителя, компьютеры, курорты, то да

се, а в ответ одни гадости. Еще и связался с дурной компанией, вот и результат – похитили! Родителям какое горе, охрану поувольняли, да я сам – неизвестно, жив еще или нет...

Но непримиримый Сергей Кузьмич не собирался прощать кому-либо, даже возможному покойнику, свою уворованную зарплату:

– Гнилые гены не исправишь никакими компьютерами – свинью всегда потянет в грязь. Нужно было раньше думать, от кого рожаешь, и не связываться со всякими шаромыжниками. Помнишь, как Нелли хлопала носом и проливала слезы: мол, не знаю, что делать, сынок весь удался в родного папашу?

– Нелли Григорьевна не всегда была женой Никандрова, – с какой-то личной обидой возразил Новиков. – Чтобы простой девушке победить на конкурсе красоты, ей через многое приходится пройти... Каждая дрянь прилипает по дороге. Сегодня она бы такую мразь, как дерьмо с подметки, стряхнула. Но то сегодня...

Сергей Кузьмич уже открыл рот, чтобы снова высказаться, но передумал. У его начальника настроение тоже заметно испортилось. Панов решил разрядить внезапно сгустившуюся атмосферу, переведя разговор на другую тему:

– А кто эта юная амазонка, которая только что выехала на лихой кобыле из ворот? Она дочь Никандрова?

– Юлия никуда не уезжала, – сразу как-то напрягся Новиков.

– Это Дуня, подруга хозяйской дочери, – пояснил Сергей Кузьмич. – Видели на соседней улице особняк с высокой кирпичной стеной? Она оттуда. А владелец особняка – Артюнянц Юрий Борисович, и владеет он не только этой виллой, но и «заводами, газетами, пароходами».

– Само собой...

– Садись в машину, я подвезу тебя к дому, – любезно предложил Новиков, но сам к джипу не пошел, а остался стоять рядом с Сергеем Кузьмичом.

Догадавшись, что начальник охраны хочет переговорить с Воробьевым без свидетелей, Глеб деликатно удалился, сел в машину и в ожидании Олега Валерьевича залюбовался вековыми соснами, посаженными вдоль аллеи, пожалуй, еще в конце позапрошлого века. Созерцание вечнозеленых исполинов не могло не натолкнуть его на размышления о вечнотекущем потоке времени и мимолетности его исторических завихрений в сравнении с мафусаиловыми летами могучих хвойных долгожителей. Когда-то эти, тогда еще юные, сосенки шелестением ветвей приветствовали карету московского аристократа, а ветеран последней русско-турецкой войны, определенный в сторожа, становился во фрунт, отдавая честь сиятельному графу. Потом голодноватые, но по-детски беззаботные юные аборигены двадцатых годов двадцатого века, собирая ветки и шишки для вечернего костра под их неширокими кронами, распевали: «Ах, картошка – объеденье, пионеров идеал! Тот не знает наслажденья, кто картошки не едал!» А сиятельный граф в это время сам определялся в таксисты или швейцары где-нибудь на парижском Монмартре. Но временная спираль сомкнулась на новом витке, все вернулось на круги своя, а вот заслуженный ветеран, только не русско-турецкой, а афганской или какой-нибудь еще войны снова становится во фрунт, но не перед сиятельным потомственным аристократом. Герой горячих точек пузырится перед вылезшей из плебейской грязи в князи новорусской «элитой». А величественные сосны продолжают бесстрастно созерцать спокойный и плавный поток времени, который опять забурлит только при встрече с очередной исторической загогулиной...

Глава 4

Новиков, насекавничавшись с Сергеем Кузьмичом, уселся в джип рядом с Глебом, тяжело вздохнул, потер ладонью лоб, как бы стяхивая дополнительный груз забот, взялся за руль, и машина помчалась по аллее к никандровскому особняку.

– Почему Сергей Кузьмич так расстраивается из-за украденной зарплаты? – не сдержал Панов своего любопытства, хотя чувствовал, что затрагивает не очень приятную для начальника охраны тему. – Неужели родители Дэна не возместят ему ущерб?

– Возместить-то возместят, – довольно мрачно ответил Новиков. – Только хорош охранник, если его самого обокрали!

Сосновая аллея осталась позади, джип выехал к шикарному четырехэтажному зданию с башнями, террасами и зимним садом. Перед особняком был разбит парк в английском стиле: аккуратно выстриженные газоны, романтические гроты, изящные фонтаны... Весь парк был «как денди лондонский, одет», и только большая цветочная клумба с высоким декоративным кустом смотрелась российской заплаткой на этом выдержанном «английском фраке». Куст был искусно подстрижен и изображал фигуру склоненной к земле женщины, выпускающей в цветочные заросли некую зверюшку, похожую на кролика.

Новиков остановил джип на выложенной цветными плитками площадке возле дома рядом с двумя иномарками: «мерседесом» и «БМВ». По соседству, у деревянной конструкции, напоминающей коновязь и украшенной художественной резьбой, подобно скамейке у караулки Сергея Кузьмича, стояли четыре оседланные лошади, тоже чистопородные и ухоженные, как и кобылица молодой особы, обругавшей Воробьева. «Леди и джентльмены предпочитают прогулки верхом, – отметил Глеб, – но вспыльчивая девица почему-то пожелала проехаться по лесу в гордом одиночестве». У цветочной клумбы с кустом в виде внучки деда Мазая на изящной резной деревянной лавочке трое охранников в камуфляже и четвертый в строгом черном костюме в ожидании господ коротали время за веселой беседой. Новиков посмотрел на них командирским взглядом, и весельчаков с лавочки как ветром сдуло. «Закамуфлированные» подошли к лошадям и занялись осмотром седел и проверкой подтянутости подпруг, а «пиджачный» принялся протирать тряпкой стекла «мерседеса».

– Ты пока оглядись, познакомься с ребятами, – Олег Валерьевич кивнул головой в сторону протиральщика и проверяльщиков. – Только никуда не уходи, побудь пока здесь. Посиди на скамейке. Нелли Григорьевна выйдет часа через два: она собиралась поехать в фитнес-клуб. Тогда я тебя и представлю. А сейчас лучше ее не беспокоить. Хозяйка просыпается поздно, ее уже ждут парикмахер, маникюрша, массажист. После фитнес-клуба – шопинг и так далее. Другого времени с тобой поговорить не будет. А от этого разговора зависит многое, точнее – все. Веди себя очень осторожно. Нелли – женщина тонкая и деликатная, но и требовательная. Если не понравишься, сразу от ворот поворот. Понял?

– Понял, – кивнул головой Панов и подумал, что у этой деликатной, тонкой дамы нервы как пеньковые канаты: сын пропал, а она принимает массажистов и посещает фитнес-клубы. Но вслух позволил себе лишь поинтересоваться: – Жена Никандрова ездит в фитнес-клуб верхом?

Новиков уловил в вопросе скрытую иронию, но ее не поддержал и ответил подчеркнуто серьезно:

– Нет, свою лошадь велел оседлать Никита, сын Никандрова. От другого брака, понятно. Его много раз предупреждали, что выезжать на прогулку в лес одному – просто верх легкомыслия. Особенно после несчастья с Дэном. Хорошо, что я вовремя это заметил и настоял на сопровождении охраны. Хотя персонала не хватает: тех, кто не усмотрел за Дэном, хозяин уволил, а новых еще не подобрали. И электронная охранная система по периметру барах-

лит. Только людей зря гоняем: тревоги оказываются ложными. Полчаса назад опять сработала сигнализация. Послал ребят проверить территорию усадьбы, прилегающую к лесу, и почти наверняка проходят зря: просто где-то что-то закоротило. Но не отреагировать я не могу – а вдруг?! Еще повезло, что Нелли Григорьевна выезжает позже. Надеюсь, Никита к тому времени вернется с прогулки и охрана освободится. Проверку территории тоже закончат минут через сорок, – Новиков тяжело вздохнул, задумчиво почесал подбородок и оценивающе посмотрел на Глеба. – Ты не против, если в экстренных случаях я буду привлекать к сопровождению хозяев и тебя? Естественно, за эту работу предусматривается дополнительное вознаграждение.

– Да ради бога, – пожал плечами Пан. – Лишь бы деньги платили. Но мне в первую очередь нужно ознакомиться с системой сигнализации. Может, не ждать встречи с хозяйкой, а начать прямо сейчас? Никандров ведь уже дал такое указание.

– Да-да, шеф насчет тебя распорядился, но без разрешения Нелли начинать работу нежелательно. Извини, но я приключений на свою... эту самую... голову не ищу.

Приняв к сведению завуалированную характеристику новиковской шефины, Глеб невольно вспомнил и свою бывшую женушку, применявшую истерики в качестве оружия массового уничтожения всех возражавших ей, в первую очередь – мужа, и заочно посочувствовал «счастливому» супругу Нелли Григорьевны. Богатые, как и бедные, тоже плачут – по большей части из-за собственной глупости, а бедолагу Никандрова угораздило жениться в пятый раз, да еще на победительнице конкурса красоты. От семейного счастья с такой возвышенной особой сбежишь еще и подальше Швейцарии.

Расспросить Олега Валерьевича подробнее о его хозяйке Панов не успел, да и вряд ли Новиков собирался с ним чересчур откровенничать. К тому же в кармане его модного пиджака мобильник запиликал про сердце, гибнущее «в огнедышащей лаве любви». Пока поклонник «вулкана страстей» выслушивал невидимого абонента, он все больше хмурился, а выключив мобильник, даже чертыхнулся, хотя перед этим ворковал медоточивым голосом: «Конечно, Нелли Григорьевна, разумеется, Нелли Григорьевна! Можете ехать сию минуту, Нелли Григорьевна!»

– Нелли сейчас уезжает, – пояснил он противоречия своей мимики с голосом. – Придется отправить с ней охранников Никиты, хотя они и не одеты подобающим образом. А мне остается только молить всевышнего, чтобы Никита Андреевич завтракал подольше и сам задержался с выездом на прогулку. Надеюсь, что охранники, проверяющие территорию, успеют к тому времени вернуться. А если молодому хозяину придется их ждать, начнется скандал и меня ждут большие неприятности.

Поделившись своими надеждами и опасениями, Новиков подал команду, и камуфлированные секьюрити, оставив лошадей, кинулись к «мерседесу» и «БМВ». Только старший группы, тоже по виду бывший военный, оттопырил полу своей пятнистой ветровки и вопросительно посмотрел на начальника охраны.

– Некогда бегать за пиджаками, – отмахнулся Новиков. – Выезжаете немедленно.

«Мерседес» подъехал к парадному крыльцу особняка. Олег Валерьевич поманил за собой Панова, и они вместе с двумя охранниками образовали как бы почетный караул в два ряда от ступенек до раскрытой двери машины, возле которой застыл водитель при своем пиджачно-галстучном параде.

Первым из дома выскочил секьюрити, осуществлявший, по-видимому, внутреннюю охрану помещения. Строгостью и цветом одежды он копировал своего начальника вплоть до темно-серого галстука. Костюмный двойник Олега Валерьевича услужливо распахнул и придержал тяжелую, красного дерева с золотой инкрустацией створку дверей, и на крыльцо вышла красивая голубоглазая брюнетка с обольстительней фигурой. На вид ей было не больше двадцати пяти – двадцати семи лет.

«Не может быть, – подумал Глеб, – или она родила Дэна в двенадцать лет? Хотя по нынешним временам это вполне возможно!»

Нужно признать, что победительницей конкурса красоты она стала вполне заслуженно. Распространяя вокруг себя облако дорогих французских духов и море сексуальности, шикарная дама спустилась по ступенькам и проследовала мимо охранников с таким высокомерным равнодушием, как будто это были не люди, а неодушевленные истуканы. Гордо поднятый подбородок, прекрасные глаза и взгляд, устремленный поверх голов старательной obsługi куда-то в голубую, как и ее очи, даль, заставляли всех особей мужского пола, присутствующих при торжественном выходе новорусской Афродиты, ощущать себя пеной людской, попираемой ее длинными стройными ногами.

Ответив на приветствия Олега Валерьевича и его команды лишь сухим, едва заметным наклоном модно уложенной короны иссиня-черных волос, пятая жена Никандрова уже собиралась воссесть на застеленное леопардовой шкурой сиденье «мерседеса», когда Новиков, деликатно кашлянув в кулак, медовым голосом осмелился напомнить хозяйке, что ее супруг перед отъездом отдал кое-какие распоряжения в отношении налаживания системы сигнализации. Соответствующий специалист уже прибыл, и какие на этот счет будут еще указания и пожелания? Нелли Григорьевна в ответ на новиковский мед сыпанула ему целую горсть морального перца: мол, об охране и сигнализации нужно было думать раньше, и если бы муж своевременно исполнял ее просьбы и набирал в охрану надежных людей, страшного несчастья вообще бы не случилось, Дэн, живой и здоровый, находился бы при матери – а теперь какой толк от всех этих сигнализаций и охран?! В дикой совковой стране, где мужчины легкомысленны и нечутки и, того хуже, полно всякой пьяни, рвани, дураков и безответственных разгильдяев, нельзя ничего наладить в принципе! Олег Валерьевич, видимо, привыкший к внезапным вулканическим взрывам хозяйки, безропотно принял на себя поток «огнедышащей лавы», часть которого явно предназначалась отсутствующему Никандрову, и, переждав эмоциональное извержение, подозвал Панова и представил его требовательной леди. Успокоившись так же внезапно, как и взорвалась, Нелли любезно протянула Глебу руку, и Пан, щелкнув каблуками, запечатлел на ней имитацию поцелуя, чем приятно удивил стильную женщину, не ожидавшую от наемника такой куртуазной прyeti.

– Надеюсь, вы оправдаете доверие Андрея Николаевича, успешно справитесь с работой и мне не придется в вас разочароваться, – с нажимом на слово «мне» закончила церемонию представления Нелли Григорьевна.

– Панов – прекрасный специалист, имеет два высших образования, и, главное, он надежный человек. Я знаю его по «горячей точке», где мы вместе воевали и стояли под огнем неприятеля плечом к плечу, – поддержал старого знакомого Новиков.

– Олег Валерьевич никак не поймет, что здесь не «горячая точка», – указав глазами на камуфляжную форму охранников, иронически заметила Нелли и, «пнув» таким образом Новикова на прощание, села в «мерседес» и в сопровождении «БМВ» с охраной укатила по своим элитным делам.

А Панов, рассмотрев Нелли Григорьевну поближе, понял, что супруге Никандрова не двадцать пять и даже не двадцать семь лет, а порядком за тридцать. Просто она женщина хорошо ухоженная, следящая за своей внешностью и здоровьем, вот и кажется намного моложе своего возраста.

Проводив хозяйку, Новиков вытер платком вспотевший лоб и предложил Глебу присесть вместе с ним на скамейку возле клумбы, чтобы перевести дух перед новой напастью. Под напастью Олег Валерьевич подразумевал Неллиного пасынка Никиту, тоже не отличающегося, по словам начальника охраны, покладистостью характера.

– Боюсь, Никита сейчас выйдет и обязательно начнет скандалить, когда узнает, что ему придется задержаться с прогулкой и подождать охраны, – сам себе пророчил неприятности Новиков.

Глеб подумал, что общение с природой – самый лучший рецепт для смягчения стресса, и указал Новикову на живописную цветочную клумбу с фигурой на ней:

– Посмотри, с какой остроумной задумкой подстрижено растение. Очень, очень оригинальная получилась фигура. Весьма экзотично! Красота!

– Погоди, ты еще не такую «красоту» и «оригинальность» скоро увидишь, – не поддержал эстетического восхищения Панова расстроенный начальник охраны и мрачно пообещал: – По сравнению с ее экзотичностью даже Никита покажется милым мальчиком.

Глеб не успел выяснить, чью экзотичность имел в виду Олег Валерьевич, потому что послышалось визгливое тявканье и из дверей зимнего сада выскочили две маленькие собачки – белая болонка и рыженький той-терьер, – волоча за собой на поводках молодую девушку. На плече юного создания сидел здоровенный серый котяра. Панов вытаращил глаза. Н-да, эту особу уж никак нельзя было назвать ординарной личностью... Волосы девицы, как взметенная вихрем порция вареных макарон, топорщились на ее голове и придавали современной леди сходство с рехнувшейся горгоной Медузой, потому что змеобразные макаронины были выкрашены в три разных цвета: загробно-темно-синий, мучнисто-белый и ядовито-рыжий. Лоб жертвы взрыва на макаронно-лакокрасочной фабрике перетягивал красный витой шнур, а у виска за этот шнур «свихнувшаяся горгона Медуза» воткнула павлинье перо, что сделало ее похожей еще и на Чингачгук, вставшего на тропу войны. Губы воительница выкрасила мертвенно-синей помадой под цвет трети своих «макарон», а на нижней губе, левой ноздре и пупке красовались крупные рубины кроваво-красного оттенка, отчего «Чингачгук» дополнительно получал сходство с восставшим из могилы вампиром, только что отведавшим свежей человеческой кровушки. Грудь модницы прикрывала легкая белая блузочка без рукавов, заканчивающаяся намного выше пупка. Ало-кровавый ансамбль завершали серьги в ушах и рубиновое кольцо на шее. Нижнюю часть девичьей фигуры облегал совершенно невозможные полулосины-полугалифе со штрипками, кистями, цепочками и ляжками, свисающими подобно тропическим лианам на остроносые туфли с пряжками, но с открытым носком, наподобие сандалий. Часть стройных ног от окончания лосино-галифе под коленями до полутуфель-полусандалий покрывалась ремешковым плетением. Наверное, «вампир Чингачгук» в своей прошлой домогильной жизни был древнеримским легионером-контрактником. Хотя жуткий синий маникюр и педикюр напоминал скорее судьбе гоголевской утопленницы.

Но все усилия новорусской отроковицы по самоизуродованию не могли скрыть ее юной торжествующей красоты. Огромные синие глаза, бархатистая белизна кожи, нежная округлость плеч и бедер, длинные стройные ноги делали девушку сокрушительно привлекательной для мужского взгляда и не оставляли никаких сомнений, кто именно одерживает победу в вечном конкурсе красоты, где в боях без правил ежедневно, ежечасно и ежеминутно выясняют отношения представительницы прекрасного пола. И это чудесное видение бесспорно получало звание «мисс никандровский особняк», а патентованная королева красоты Нелли Григорьевна смотрелась в сравнении с ней как привядшая постновогодняя елка накануне утилизации рядом с вечнозеленой лесной принцессой, напоенной природными соками земли, а не протухшей водой из эмалированного ведра, прикрытого ватным подобием снега.

– Это что еще за чудо с пером?! – не смог скрыть изумленного восхищения Панов.

– Да уж, – скептически скривился начальник охраны. – Это хозяйская дочка Юлия, – и, понизив голос, добавил: – Не девица, а папочкино наказание.

Влекомая разномастной тройкой, запряженной гнедым той-терьером и белой болонкой с примкнувшим к ним серым котярой, спрыгнувшим с плеча хозяйки и возглавившим шествие, «папочкино наказание» спустилось по мраморным ступенькам лестницы и приблизилось к ска-

мейке, где сидели начальник охраны и Глеб. Новиков встал, попытался наполнить свой голос натуральным медом, но не получилось, и Олег Валерьевич истек приторно-фальшивой патокой. Поздоровавшись с хозяйской дочкой, он коротко отрекомендовал ей Панова:

– Наш новый сотрудник охраны.

Глеб, тоже приподнявшись со скамейки, вежливо поздоровался. Девица демонстративно не замечала почтительной прислуги и, надменно вздернув подбородок, глядела поверх их голов куда-то вдаль, предположительно на макушку «Мазаевой внучки».

«Копирует мачеху, – догадался Глеб. – Куда конь с копытом, туда и рак с клешней...»

В ответ на его приветствие (новиковское гордычка вовсе проигнорировала) Юлия лишь пожала покатыми красивыми плечами, как бы говоря: «С чего это столь малозначительный и малоинтересный субъект пытается привлечь мое внимание?» С нежно-белой кожи ее правого предплечья на Глеба злобно оскалилась вытатуированная голова титра, а с левого грозила жалом змея. Похоже, кобра. Не кивнув разноцветными макаронами с индейским пером и не разжимая губ, татуфилка сухо процедила: «Здрст...» – и проследовала мимо со своими белогнедыми собачками и серым котофеем, как древнегреческое мифологическое существо на древнеримской колеснице. Но, не отойдя или не отъехав и трех шагов, «змеетигрица» вдруг остановилась, обернулась и очень приятным и мелодичным голосом вымолвила:

– Добро пожаловать! Мы очень рады вашему приходу! – и кивнула Глебу павлиньим пером.

В этот момент собачки рванулись вперед, вырвали поводки из рук зазевавшейся хозяйки и помчались напрямик к клумбе, где среди цветов, у подножья добродетельной внучки Мазая, занялись неприличным, но естественным делом...

– Услава! Руслана! Фу! Как вам не стыдно! На клумбе этого делать нельзя! – пыталась усюветить своих питомиц смущенная хозяйка.

– Разве воспитанные собачки этим занимаются?! – вдруг раздался из окна второго этажа мужской голос, передразнивающий Юлию, поддельваясь под ее тоненький девичий голосок. – Прекратите немедленно, а то я сейчас... Уся! Руся!

Юлия покраснела, гордо вздернула подбородок и опять пожала плечами: мол, на дурацкие шутки не отвечаю и с дураками вообще разговаривать не хочу. Котофей, нерешительно переминавшийся у клумбы, что-то решал для себя; видимо, победила дружба, и он тоже вступил под цветочные своды и присоединился к своим мохнатым подругам...

– Брутик! Брутик! – тщетно зывала к нарушителю экологических норм Юлия.

– И ты, Брут?! – опять прокомментировал сверху писклявый мужской голос. – Изменник! Теперь я точно... Уся! Руся!

Уся, Руся и котофей Брут наконец завершили свое черное дело. Юлия подняла ускользнувшие из ее рук поводки, и вся живописная компания удалилась куда-то в глубь никандровского лесопарка. Глеб, с интересом следивший за чудно разрисованной и экологически озабоченной хозяйкой осрамившихся домашних друзей человека, удивленно покачал головой:

– М-да, не девушка, а сплошной перформанс московского бьеннале.

Новиков не увлекался современным модным изобразительным искусством, но интуитивно истолковал слова Глеба правильно:

– Я и говорю, совсем безбашенная девка.

Не столько в словах, сколько в тоне Олега Валерьевича звучала такая подспудная враждебность к нелепой в своем диком макияже, но в общем-то довольно безобидной девчонке, что Глеб удивился. Помнится, в «горячей точке» Новиков показался ему не только смелым, но и вполне адекватным человеком. Всерьез затаить неприязнь по такому ничтожному поводу к молоденькой пигалице? Для взрослого человека это, в конце концов, значит самому стать смешным.

– Какой спрос с этой Юлии? Ведь молодежь всегда с очередной придурью, – призвал он Новикова к снисходительности.

– Это у нее называется «быть самой собой», – саркастически усмехнулся начальник охраны.

– Вытереть ей физиономию мокрой тряпкой да отмыть с мылом макаронины с головы, вот тогда посмотреть на девушку будет по-настоящему приятно.

– Подожди, еще насмотришься, – сумрачно обнадежил защитника Олег Валерьевич. – Она выпендривается, пока отца нет. Вернется Никандров, сразу станет тише воды. Отца-то она боится. А вот с другими – настоящая стерва, вся в свою маму: и внешностью, и характером... Мамаша ее – третья жена Никандрова – известная топ-модель и бывшая «мисс» чуть ли не Вселенной. Живет в Париже. Стервоза выдающаяся! При разводе вытянула из Никандрова дополнительно два миллиона долларов якобы на воспитание дочери. А девчонка, как бродячая кошка, все время мотается между Парижем и Москвой. Спасибо, еще отец ею как-то занимается, мама-то после Никандрова еще три раза выходила замуж, и все за миллионеров. При разводе каждого ободрала как липку. И дочка своего не упустит. Тут у нас одна прохиндейка работала горничной. Ну и попросила у Юлии тридцать тысяч долларов на организацию собачьего приюта в Кашире, там у нее живут родственники. Дескать, бедные собачки бегают по улице, голодают и мерзнут, а мы их приютим, станем холить и лелеять... Никандров – мужик умный, на такую аферу не поддался. Так Юлия выцарапала деньги у матери: по всему дому было слышно, как она рыдала и устраивала истерики у телефона, пока мать не уступила и не перевела ей эти тридцать тысяч!

– Неужели родственники горничной истратили такие деньжищи на собак? – удивился Панов.

– Они что, сумасшедшие?! Конечно нет! Прикарманили их – и все дела. Тогда наша Юленька задумала сама создать собачий приют, санаторий и лечебницу в одном флаконе. Даже Никандров не выдержал ее слез и дал деньги. А мать барышня совсем затерроризировала. Да так этой сучке и надо! Не все ей выкачивать деньги из мужиков!

– А где этот собачий приют?

– Вон, слышишь? – Новиков указал в сторону, куда удалилась Юлия со своими питомцами.

Глеб прислушался. Действительно, оттуда доносился едва различимый разноголосый собачий лай.

– Еще хорошо, что территория большая, а то покою бы не стало от их брехни, – вздохнул начальник охраны. Он внимательно посмотрел на Глеба и погрозил ему пальцем: – Я заметил, что девчонка тебе понравилась. По-дружески советую: не увлекайся и держись от нее подальше. Не то она сделает тебе такую бяку, не обрадуешься! У нее же мозги набекрень... Недавно порезала новую норковую шубу Нелли Григорьевны. Юленька, видите ли, защищает бедненьких норок! Чтобы шкурки с них не снимали! Пусть резвятся себе на природе! А того не понимает, дурья голова, что если зверушек перестанут разводить на шкурки, они вообще не родятся. Для Нелли, конечно, невелик убыток: одной шубой больше, одной меньше – у нее этих шуб не перечесать! Но сам факт о чем говорит? И еще: не вздумай называть Усладу и Руслану Усей и Русей, иначе Юлия возненавидит тебя, как Никиту. Никита все время ее дразнит, хотя я уже не раз ему осторожно намекал: не стоит этого делать, можешь нарваться на крупную неприятность.

– Так ты взъелся на Юлию за Неллину шубу? – предположил Глеб.

– Что мне шуба! Если Нелли на нее начхать, то мне и подавно! Тут случилась история похлеще! Эта чумовая Юлия привезла откуда-то в своей машине большую собаку: вся в парше, стригущий лишай во всю спину. Грязнущая! Но собака домашняя, не бродячая, людей не боится. Наверное, жила в квартире, а потом где-то на прогулке подцепила лишай, разбо-

лелась... Хозяева проморгали, запустили болезнь, а потом сами перепугались, что заразит и детей, и их самих. Убивать жалко, лечить дорого, вот и выгнали пса на улицу. А Юлия где-то подобрала. Машину придется дезинфицировать. Выводит она этого заразного инвалида из «мерседеса» и протягивает мне поводок: «Погуляйте с ним, Олег Валерьевич, пока не приедет ветеринар. В приют его вести нельзя: как бы собачки мои не заразились. Пусть побудет пока у вас, как в карантине». Ну что поделает? Не пошлешь же хозяйскую дочку на три буквы! Хожу с этой лишайной псиной и думаю: куда ее девать? А она, говорю, домашняя, ласковая, так и норовит то лизнуть, то лапами обмусолить. На нее цыкнешь – отскочит на длину поводка, а потом опять за свое. Одет я был в новый, только что купленный дорогой костюм. Нелли любит, чтобы вокруг нее все было на высшем уровне. Заметил, как она ткнула меня за камуфляжные робы охранников? Я и боюсь, как бы собака своим лишаем не изгадила им брюки. Тут мне позвонили по мобильнику, разговор был очень важный. Я отвлекся, а псина подошла и стала тереться спиной о мою ногу: лишай у нее зачесался. Я опомнился и ахнул – все, брюки придется выбрасывать! Не сдержался и со злости треснул животину ботинком в бок, а Юлия увидела. Псина завизжала, а эта чума – вдвое громче: «Палач! Живодер! Убийца! Я попрошу отца, чтобы вас уволили!» И уволили бы!

– За собаку?! – не поверил Глеб.

– Не за собаку, а за Юленьку. Я же тебе говорил, вся в мать, такая же стерва. Если чего в голову взбредет, обязательно своего добьется – с печенками, но вырвет! Пришлось мне, боевому офицеру, идти к девчонке на поклон, унижаться, просить прощения... Плакался, мол, у меня тоже есть собака и две кошки. Если меня уволят, чем их кормить? Придется выгнать бедняжек на улицу. Собаку и кошек она пожалела. А на меня с тех пор все равно смотрит зверем. Обратил внимание: с тобой она поздоровалась, а мне даже не ответила? Вот то-то! Не обольщайся красивой внешностью, а зри в ядовитый корень!

Тем временем Юлия завершила кошачье-собачий променад вокруг дома и появилась со своей свитой с другой стороны. Только теперь, на обратном пути, ее не увлекла за собой гнедо-белая пара – она сама тащила на поводках упирающихся Усладу и Руслану, а кот Брут замыкал шествие. Отчаявшись побороть упрямство не желавших возвращаться в дом собачек и сочувствующего им кота, Юлия остановилась и по мобильнику вызвала аварийную бригаду в лице горничной:

– Лида, выйди, пожалуйста, и погуляй еще с Усладой, Русланой и Брутом.

Но женская часть прислуги не отличалась трусостью, и горничная Лида не побоялась дать хозяйке отлуп, сославшись на выполнение Юлиного же предыдущего распоряжения. «Чингачукша» прицепила замолчавший мобильник сбоку на лосино-галифе и вперила задумчивый взор в макушку «внучки Мазая». На Панова и Новикова девушка даже не смотрела, но лицо Олега Валерьевича приняло почему-то кислое выражение. А молодая хозяйка, по-прежнему глядя куда-то в сторону и вверх, пожелала препоручить на полчаса, до прихода горничной Лиды, своих лохматых гулен новому сотруднику услуги, оговорившись, что ему она их может доверить, в отличие от некоторых, которые такое доверие утратили. Физиономия начальника охраны стала еще кислее, но вмешаться и напомнить «горгоне Медузе», что Панов нанят не для гуляний с собачками, он поостерегся. Глеб же был рад пообщаться – не с собаками, конечно, а с их красивой хозяйкой. И, приняв из ее рук поводки, сразу похвалил Юленькину прическу и макияж, затем рассыпался в комплиментах в адрес представительниц прекрасного собачьего пола и оценил Брутову гордую осанку римского патриция. Погладив Руслану, он восхитился шелковистостью ее шерстки и миниатюрными размерами, но ошибочно назвал болонку шпицем, правда, прекрасным. Юлия вначале не могла удержать довольной улыбки, но постепенно стала смотреть на льстеца все с большим подозрением. Compliments Глеба пробуждали в ней какие-то смутные воспоминания... Преодолев свою обычную манеру коситься на собеседника краем глаза, она быстро взглянула Пану прямо в лицо, пытаясь понять, действительно ли веж-

ливый молодой человек восхищен ее собачками и котом или только придуривается. В искренности комплиментов в свой адрес Юлия, понятно, не сомневалась. Но лицо Панова оставалось серьезным, ехидная усмешка не кривила его губ. На всякий случай девушка все же заступилась за своих любимцев:

– Услава и Руслана – умные и послушные собачки, а Брут – воспитанный, положительный кот. И не судите о них по одному неприятному происшествию, – Юлия указала на клумбу. – К тому же сейчас все приведут в порядок.

Из дома вышла молодая женщина в белом переднике и с заколкой на волосах, с совком и ведерком, и стала ликвидировать следы собачьей неожиданности, приговаривая с заметным южно-украинским акцентом:

– Шо ж тем собачаткам недужится? И седни не добегли до газона?

– Услава и Руслана не виноваты, – защитила юная хозяйка проштрафившихся четвероногих. – Они еще молодые, и у них опять болят животы. Это Никита виноват, накормил их колбасой из супермаркета, а собачкам такая пища противопоказана. Он и Бруту предлагал, но Брут взрослый, опытный кот и колбасу есть не стал.

– Интересное дело! – раздался голос с террасы. – Снова все валят на меня? – По ступенькам спускался русоволосый молодой человек лет двадцати в костюме для верховой езды, с хлыстиком в одной руке и карабином «Сайга» в другой. – Колбаса, видите ли, ее собачкам противопоказана. Люди едят – и ничего, а у песиков животики разболелись.

– Да, да, противопоказана! Я тебя уже сколько раз просила не кормить Усладу и Руслану супермаркетовой дрянью, – запальчиво обличила Юленька своего оппонента.

– Это ее сводный брат, Никита, – шепнул Новиков на ухо Глебу и громко поздоровался с молодым человеком: – Здравствуйте, Никита Андреевич!

Небрежно кивнув Новикову в ответ, Никита продолжал препираться с сестрой:

– Ну хорошо, сегодня собачки обгадились от колбасы, а вчера по какому поводу они испоганили ковер в зале? Ленъ им было добежать даже до клумбы?

– Не ленъ, не ленъ, – стеной встала на защиту болящих Юленька. – Они еще молодые, просто ошиблись. Ковер такой же большой, ворсистый и зеленый, как газон. Вот они и перепутали. С каждым может случиться! И потом... Не стану зря наговаривать, я не видела. Но сердце мне подсказывает: ты и в тот раз накормил Усладу и Руслану какой-то отравой.

– Отравой?! – возмутился Никита. – Первоклассная ветчина – это отравка?! Нет, милая, просто называй своих псин правильно: не Услава и Руслана, а Уся-Руся, причем где попало, в том числе и на ковры!

– Ты... ты... – чуть не лопнула от возмущения Юлия, – ты не только изводишь бедных животных физически, но и унижаешь их морально! А они тоже живые и всё-всё чувствуют! Думаешь, Услава и Руслана не понимают, как ты их сейчас оскорбил? Очень даже понимают, и тебе должно быть стыдно за свою грубость!

Спор брата и сестры прервала горничная. Она уже ликвидировала последствия колбасной аварии под цветами и вычищала совком Брутов «подарок» из низкой цветочной вазы у «внучкиных» ног, куда эстетствующий кот изловчился прикопать свой пахучий клад. Вдруг женщина с визгом бросила совок и, указывая пальцем в сторону «внучкиного» подножья, закричала:

– Ой, глядите, это опять лев!

– Какой еще лев? – удивился Никита, тщетно пытаясь разглядеть в цветочных зарослях царя зверей.

– Нет, не тот лев, что в зоопарке, – поспешила уверить хозяйского сына в своей вменяемости пугливая прислуга, – а совсем другой. Вы, Юленька, его еще как-то называли... Лев... лев... как его? Толстой, что ли? Я забыла...

– Лев Толстой?! – вытаращил глаза Никита. – Ты что, свихнулась?! Где ты видишь здесь бороду?! Впрочем, пообщавшись с моей сестрицей, кто угодно съедет с катушек!

Юлия, сердито взглянув на брата, тоже подошла к клумбе:

– Оксана, я же вам объясняла, это муравьиный лев. Насекомое. И какое отношение он имеет к классику русской литературы Льву Николаевичу Толстому, я не понимаю. Странные у вас возникают ассоциации.

– Вот эту козявку ты называешь львом? – разглядел насекомое Никита. – И стоило визжать? Дай-ка я тресну его совком – и нет проблем!

– Не смей трогать льва! Каждое живое существо есть часть природы и имеет право на жизнь!

– Не надо убивать льва, – поддержала Оксана хозяйку. – Жалко же, пусть живет!

Никита, уже поднявший совок, швырнул его на землю.

– Ты совсем очумела со своей идеей фикс – защитой природы! – укорил он сестру. – То порезала Неллину норковую шубу, жалко ей стало убиенных норок, а теперь и козявок защищаешь, козявкозащитница!

– Лучше быть козявкозащитницей, чем таким бессердечным человеком, как ты!

– Я не бессердечный, а нормальный человек! Это ты все гримасничаешь!

– Очень остроумно! – саркастически похвалила брата Юлия. – А если ты не бессердечный, зачем берешь с собой на прогулку ружье? Стрелять птиц? Я поеду с тобой и буду толкать тебя под руку, чтобы ты не смог в них попасть!

– Я тебе поеду! Я тебе потолкаю!

– А вот поеду! И буду толкать, буду!

Никита безнадежно махнул рукой и направился к лошадям. Юлия упрямо последовала за братом.

– Никита Андреевич! – попытался как можно почтительнее остановить хозяйского сына Новиков. – Вам придется немного задержаться. Я послал Павла и Тимура осмотреть северную часть территории: там сработала сигнализация. Они вернутся через несколько минут. А без охраны вам ехать никак нельзя, ваш папа строго-настроено это запретил.

– При чем здесь Павел и Тимур?! – раздраженно накинулся Никита на начальника охраны. – Где мои телохранители?

– Они поехали с Нелли Григорьевной, – развел руками Новиков. – Я подумал... – Новиков замаялся, не решаясь пожаловаться на несвоевременный выезд Нелли Григорьевны, справедливо полагая, что это может выйти ему боком.

– Он подумал! Мыслитель! – передразнил Новикова Никита. – Дармоеды! Ничего толком не умеют организовать! За какой хрен отец платит вам деньги?! Я еду, а ваши бездельники пускай меня догоняют! – Никита вскочил на одну из лошадей и галопом помчался к воротам. Упрямая младшая сестра отставать от него не собиралась и, невзирая на свой экзотический наряд, взгромоздилась на другого скакуна и понеслась следом за братом.

– Черт! Черт! – в отчаянии выругался Новиков и истерически закричал в мобильник. – Артемов! Бегом сюда, с оружием!

Из дома выскочил давешний охранник, элегантно-костюмный двойник Новикова, с карабином «Сайга» в руках и, дожевывая что-то на ходу, подбежал к шефу.

– Быстро садись на лошадь и скачи вслед за Никитой и Юлией! И побыстрее: с ними никого нет!

Артемов опрометью кинулся к лошадям и, уже вскочив в седло, оглянулся:

– Куда они поехали? Обычным маршрутом?

– Да, наверное, – сердито заорал на него Новиков. – Гони быстрее! Что ты тут рассусоливаешь?!

Последний наездник уже скрылся за деревьями, а мандраж у Новикова все не прекращался. Он связался с охранниками, обследовавшими дальнюю часть усадьбы, и приказал им

как можно скорее возвращаться. Видимо, тем требовалось слишком много времени для выполнения приказа, и Олег Валерьевич, нервно оглядываясь, горько пожаловался:

– Я бы сам за Никитой поскакал, да держусь на лошади как мешок с дерьмом. Недавно попробовал проехаться и так треснулся, что чуть ноги не переломал. А ты, случайно, на лошади не ездил? – Новиков без большой надежды посмотрел на Глеба.

– Случайно ездил, – кивнул головой Панов.

– И удержишься в седле?

– Спокойно удержусь, – снова подтвердил Глеб.

– Так что же ты молчал?! Оружие есть?

Панов приподнял полу ветровки и показал кобуру под мышкой.

– Лучше бы карабин или автомат, да ладно, некогда перевооружаться. Мигом на коня – и за ними, догоняй!

– Куда скакать? – охладил его пыл Панов. – Я же не знаю местности!

– Сразу за стеной начинается лес, дуй прямо по просеке, ориентируйся по следам копыт!

Глава 5

Глеб выехал за ворота, нашел просеку и во весь опор поскакал по ней, углубляясь в лес. Следы конских копыт виднелись отчетливо, их было много. Наверное, обитатели усадьбы часто совершали конные прогулки. Промчавшись карьером по просеке несколько километров, Панов вынужден был осадить коня: просека раздваивалась, а следы конских копыт вели и налево, и направо. Секунду поколебавшись, Глеб свернул направо. Там вроде было натоптано больше. Проехав еще с километр, Панов вдруг услышал звуки выстрелов, доносившиеся слева, с той стороны, куда от развилки вела другая дорога. Плюнув с досады, Пан развернул коня и поскакал назад, к развилке. Не успел он проделать и половину обратного пути, как где-то позади, с той же стороны, что и прежде, послышались один за другим два выстрела, а спустя какое-то время до него донесся крик, переходящий в визг: «И-и-и...» Чем ближе Панов приближался к развилке, тем крик становился громче и теперь звучал под аккомпанемент конского топота. Потом за деревьями замелькала фигура всадника, точнее всадницы, потому что кричала женщина. Она мчалась к разветвлению просеки в том же направлении, что и Панов, и проскочила развилку секундой раньше, чем Глеб туда добрался. Только тогда Панов разглядел визжащую всадницу. Ею оказалась Юлия, но в каком виде! Разноцветные крашенные макароны развевались за ее головой, подобно трехцветному национальному флагу неизвестного государства. Допуповая блузка исчезла, и до пояса девушка была фактически голой, потому что и лифчик тоже был сорван или просто соскочил, выпустив на волю одну грудь. Очень красивую, как успел отметить Глеб, несмотря на экстремальность ситуации. Всадница уже не визжала, а скорее повизгивала, одновременно опрокидываясь набок. Сейчас окончательно завалится, а одна нога в остроносой полутуфле-полусандалиии уже запуталась в стремях. Лошадь поволочет ее головой по кочкам, а по сторонам еще и пни торчат...

«Один удар о такое препятствие – и пожалуйста, всадник, то есть всадница, останется без головы, а на плечах у нее будет студень с макаронами», – подумал Глеб и что есть силы ударил лошадь каблуками в бока. Конь надала хода, и Панов успел подхватить падающую наездницу, одновременно удерживая другой рукой за узду ее лошадь.

С трудом высвободив ногу девушки в полутуфле из капкана стремени, Глеб опустил владелицу модной обуви, находившуюся в полубморочно-невменяемом состоянии, на землю и увидел, что весь ее живот залит кровью. Нужно было, не теряя времени, остановить кровотечение, и Панов стал осматривать пострадавшую, но на животе никакой раны не обнаружил. Пришлось освободить от лифчика и вторую ее грудь, но и та оказалась целехонькой и красивой, как и ее ранее уже свободная соседка. Приподняв бесчувственное тело под мышки, Глеб осмотрел спину страдальцы, но кроме того, что и там кожа была такой же белой, нежной и бархатистой, как на животе и груди, он ничего больше не увидел. Предположив, что в таком случае ранение следует искать где-то значительно ниже пупка и кровь на живот натекла из-под галифе-лосин, самодеятельный брат милосердия уже собирался снять со своей прекрасной пациентки ее экзотические брюки, и так уже державшиеся на ней исключительно за счет очаровательно округленных бедер, но окровавленная жертва вдруг очнулась, открыла большие голубые глаза и жалобно пропищала:

– Уби-и-и-ли...

«Так вот что обозначало ее “и-и-и...”», – догадался Глеб и поспешил успокоить бедняжку:

– Да не убили вас, не убили, вы ранены, только не пойму куда. Сейчас увидим, – и Глеб попытался расстегнуть элегантную застежку лосино-галифе.

Но девушка уже окончательно пришла в себя и отвела руку самозваного медика:

– Это Никиту убили! Там! – она указала в сторону развилки. – Уби-и-ли! – опять закричала Юлия и залилась слезами.

Панов не успел ничего ответить: раздался бешеный конский топот, и над ним нависла вся в пене конская морда, а со взмыленной лошади на пикантную парочку с изумлением и испугом смотрел охранник Артемов, отправленный Новиковым вслед за Юлией и Никитой. Удивляться и пугаться было чему... Обнаженная хозяйская дочка полулежала на коленях новонанятого работника, и тот явно готовился совлечь с нее последние покровы.

– Убили?! – в ужасе вскрикнул охранник, глядя на испачканное кровью девичье тело.

– Не ее, – объяснил Глеб. – Она говорит, что-то случилось с Никитой, а у девушки только ранение, где-то здесь, – и Панов указал на спущенные согласно моде пониже пупка лосино-галифе, целомудренно отводя указательный палец несколько в сторону от пупковой вертикали.

– Никиту убили! – снова истерически запричитала Юлия. – Там! У озера!

– Перевяжи ее, а я к озеру, – Артемов повернул своего коня и умчался назад. «Он от развилки тоже поскакал не той дорогой, но успел проехать гораздо дальше, а повернул обратно, как и я, услышав выстрелы», – догадался Глеб.

– Успокойтесь, – обратился он к плачущей девушке, – самое страшное уже позади, вы в безопасности: я вооружен и смогу вас защитить. Но необходимо остановить кровотечение, и, извините, стыдливость сейчас неуместна, – и Панов, решительно преодолев слабое сопротивление истекающей кровью жертвы, расстегнул застежку и спустил с Юлии ее лосино-галифе.

Никакого иного ранения, кроме нанесенного стрелой амура в его собственное сердце, пока он разглядывал очень красивое девичье тело, едва прикрытое узкими кружевными трусиками, и там не обнаружилось.

– Вы не ранены? Откуда же кровь? – спросил удивленно Панов, хотя уже и сам понял откуда.

– Это кровь Никиты! Зачем вы меня раздели? – всхлипывая, возмущалась Юлия. – Пустите меня, помогать нужно Никите!

– Извините, но лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть, – возразил Глеб, помогая девушке подняться с земли. – А если бы вас действительно ранили и вы истекли кровью? Хорошо, что опасения не подтвердились. А одежда... Вот ваш лифчик, – и Панов, подняв принадлежность женского туалета с оторванной бретелькой, вежливо протянул его Юлии.

Тут только девушка заметила, что, подтягивая узкие лосины, стоит перед мужчиной топлес, и прикрыла грудь одной рукой, другой продолжая натягивать тесную одежду на округлые бедра.

– Вам помочь? – предложил свои услуги деликатный кавалер, видя тщетные усилия Юлии втиснуть в лосиновые тиски свой очень соблазнительный и тоже довольно округлый зад.

– Не надо мне помогать! – огрызнулась, хотя все еще сквозь слезы, девушка. – Лучше отвернитесь и не смотрите на меня. И поезжайте туда, к Никите!

– Совсем не смотреть не могу, – объяснил Панов. – Охраняющий обязан контролировать всю территорию вокруг объекта на триста шестьдесят градусов. Наденьте лучше мою куртку, – Глеб снял с себя легкую ветровку, которую носил больше для того, чтобы прикрывать кобуру с пистолетом под мышкой. – А на место происшествия я поеду, когда передам вас из рук в руки охране. Объясните, кстати, как проехать к озеру, иначе я опять заплутаю в вашем лесу.

Объяснений Глеб попросил, чтобы перевести внимание Юлии на нейтральную тему и этим помочь ей выйти из стрессового состояния. Психологический прием вроде удался, и пока девушка объясняла, как добраться до озера, она немного пришла в себя и даже обиженно заметила напоследок, что она не вещь, чтобы ее передавать. Но как тут же выяснилось, ее относительное успокоение оказалось лишь обманчивой прелюдией к нервному срыву: и стеснялась, и объясняла, и обижалась Юлия на автопилоте. Из ее глаз снова хлынули слезы, лицо побледнело, с жалобным писком «уби-и-и...» она стала заваливаться набок. Глебу снова пришлось укла-

дывать впавшую в обморочную прострацию девушку на свои колени. За неимением нашатырного спирта он попытался привести ее в чувство легкими похлопываниями по щекам, но еще недавно такая обидчивая Юлия теперь никак не реагировала хоть и на деликатные, но все же оплеухи. Реанимационные усилия Панова прервал треск мотоциклетного двигателя. По просеке со стороны никандровских владений, подпрыгивая на колдобинах и лавируя между пнями, мчался квадроцикл. Обдав Панова и бесчувственную Юлию густой бензиновой вонью, квадроцикл подрулил к горькой парочке. В водителе машины Глеб с трудом узнал Новикова, потому что на бедняге буквально не было лица. Видно, Артемов уже проинформировал по мобильному своего шефа о случившемся несчастье. Увидев кровь под распахнувшейся на Юлии пановской ветровкой, Новиков, и так бледный как мел, аж посерел и, тоже будто впадая в прострацию, только и смог прошептать:

– Умерла?

– Жива, жива! – успокоил его Панов. – Даже не ранена, всего лишь обморок. Может, вместо нашатыря вонь от твоего квадроцикла поможет ей очнуться?

– А что с Никитой?

Ответом Новикову был тихий стон, слетевший с губ несчастной Юлии. А Глеб лишь пожал плечами. Тут же пановскую пантомиму прокомментировали звуки выстрелов, донесшихся с той стороны, куда ускакал на своем лихом коне Артемов.

– Ты помоги девушке, а я поеду выясню, что с Никитой, и помогу Артемову, – Глеб поднял со своих коленей драгоценную бесчувственную ношу и переложил ее на трясущиеся руки Новикова, затем вскочил на лошадь и понесся к озеру.

Дорогу Глеб отыскал быстро. Даже в автопилотажном состоянии Юлия смогла связно объяснить, как туда проехать, и ее объяснения оказались нелишними, потому что следы лошадиных копыт, по которым вначале ориентировался Панов, свободно могли завести его не в ту сторону. Местные любители конных прогулок не отличались постоянством в выборе маршрута для своих поездок и истоптали просеки и тропинки леса в разных направлениях.

Вскоре в просветах между деревьями засверкала в солнечных лучах водная гладь. На прибитой к дереву ржавым гвоздем полусодранной ветхой фанерине Панов прочитал выцветшую надпись «Пионерское озеро». Над стрелкой, указывающей вниз, на поросшую крапивой здоровенную колдобину, перед всадником открылась панорама уединенного лесного водоема с берегами, густо поросшими кустами черемухи. Ее белоснежные пахучие гроздья своей нетроутостью наглядно обличали неприспособленность близживущих местных аборигенов к прогрессивным рыночным нравам двадцать первого века, а руины полуразрушенной купальни с рухнувшим навесом и покосившимся столбом с еще одной поблекшей фанерной табличкой «1-й отряд» у песчаного пляжа, напротив, свидетельствовали, что с предыдущим веком они шагали в ногу. Теперь вместо бдительного жога, следящего за купальщиками первого отряда пионерлагеря «Сосенка», Панова поприветствовала меланхолическим помахиванием хвоста лишь привязанная к столбу под табличкой гнедая лошадь охранника Артемова. Сам страж никандровского достояния с карабином наперевес прятался за остовом купальни и настороженно смотрел, только не на озеро, а в противоположную сторону.

– Ты что тут с карабином залег? – удивился Панов.

– Оттуда стреляли! – опасно указал в сторону близко подступавшего к пляжу леса Артемов.

– В тебя стреляли?

– А черт его знает, может, и в меня! Я тоже выстрелил в ответ. Но скорее метили в Никиту, он там, – Артемов указал рукой в сторону окраины песчаного пляжа, скрытого низко свисающими ветвями черемухи.

– Никита жив? – обрадовался Глеб.

– Какое там «жив», – безнадежно махнул рукой Артемов, – мертвее мертвого. Там кровищи натекло!

Панов поспешно привязал свою лошадь рядом с артемовской и в сопровождении пятогося спиной охранника спустился к берегу. У самой кромки воды ничком лежал Никита. Из одежды на нем были только плавки, а все тело и песок вокруг были залиты кровью.

«Да, при такой потере крови в живых остаться вряд ли возможно», – мысленно согласился с Артемовым Глеб, но на всякий случай все же проверил, не подает ли пострадавший каких-либо признаков жизни. Но ни пульса, ни дыхания не обнаружилось.

– Что делать? Никак не могу связаться с шефом! – растерянно мельтешил за его спиной Артемов.

– Ясно что! Вызывайте полицию! Теперь силами службы безопасности не обойдешься, и не топчись здесь! Приедет опергруппа и все осмотрит, как положено.

Глава 6

Артемов наконец дозвонился до начальника службы безопасности и получил «добро» на вызов полиции. А Глеб, отойдя в сторонку, связался с Медведевым, доложил о трагическом происшествии и спросил, как ему себя вести в сложившихся условиях.

Медведев несколько секунд молча переваривал новость, затем сказал, что выразит соболезнование Никандрову лично, а Панову дал полезные ЦУ:

– Тебя для чего наняли? Усовершенствовать систему охранной сигнализации и искать сообщников похитителей хозяйского сына в никандровском окружении. Вот и занимайся своим делом. И помоги в расследовании убийства Никиты. Если тебя об этом попросят.

Потом приехали оперативники из местного ОВД и работники районной прокуратуры. Панова опросили как свидетеля, но о его совместной работе с оперативниками и прокурорскими не было и речи. Напротив, местные пинкертонеры смотрели на Глеба чуть ли не с большим подозрением, чем на всех прочих. А познакомившись с сотрудниками оперативно-следственной бригады поближе, Панов сделал вывод, что с опытными кадрами в области такая же напряженка, как и в столице.

Возглавлял бригаду молодой, чтобы не сказать юный, следователь областной прокуратуры Духанский. Недостаток следственного опыта он стремился компенсировать дотошностью, а мизерный стаж работы в прокуратуре – подозрительностью. Панов попытался было предложить Духанскому свою помощь в расследовании преступления, но ответом на эту любезность стал лишь пронзительный взгляд исподлобья, который лучше всяких слов объяснил Глебу, что он сам же является главным подозреваемым в злодейском убийстве. Похоже, Духанский установил связь между приездом Панова в бывшие «Сосенки» и случившимся тут же убийством Никиты. Как ни пытался Глеб доказать упертому следователю, что «после» не всегда означает «поэтому» и что он даже по времени никак не успевал доскакать с той просеки, куда они с Артемовым ошибочно свернули, до озера, чтобы убить Никиту, а затем одновременно с Юлией вернуться к развилке, Духанский лишь подозрительно взирал на него исподлобья и демонстрировал схему, на которой злополучную просеку и озеро напрямик соединяла узкая тропинка, до которой Панов то ли не доехал, то ли второпях и по незнанию местности не заметил. Этот последний довод Духанский, по-видимому, считал самым уязвимым местом в пановских оправданиях и всячески пытался выяснить, не бывал ли Глеб в этих краях раньше, не проводил ли, проще сказать, предварительную рекогносцировку на местности? В конце концов Панову надоело убеждать упрямого в своей невинности, он плюнул и заявил, что когда Духанский сам убедится в абсурдности своей версии, он будет к его услугам и окажет посильную помощь в поисках убийцы или убийц. А пока займется тем, для чего Никандров его и нанял, то есть проверкой и модернизацией охранной сигнализации поместья. Так что Духанский остался со своим пронзительным взглядом из-под насупленных бровей беспомощно барахтаться в трясине лопающихся одна за другой, как болотные пузыри, несостоятельных версий, а Панов озабочился проверкой электронных и прочих средств, предназначенных для охраны персон и имущества никандровского семейства, попутно знакомясь с многочисленной прислугой особняка и обширного поместья.

Помимо охранников и их начальника, домработницы Оксаны и горничной Юлии Лидии, с которыми Глебу уже довелось общаться по приезде, с Лидой, правда, только «орально», господ обслуживали еще домоправительница Надежда Тимофеевна, тощая особа лет сорока, крашенная под платиновую блондинку с гнедыми подпалинами у корней волос; горничная госпожи Никандровой Елена, не совсем Прекрасная, но тоже ничего девушка, хотя и на затянувшемся выданье; садовник Вадим Васильевич, худощавый мужчина далеко за сорок, совмещавший свою садовую деятельность с кормлением опекаемых Юлией прибудных псов и чист-

кой их вольеров; повар-китаец Ван, которого все звали Ваня, и подсобный рабочий на кухне Алишер – гастарбайтер из братской среднеазиатской республики СНГ. Охранники по совместительству служили водителями высоких персон или, наоборот, водители были охранниками. Ко всем этим людям Панов приглядывался и старался сойтись с ними поближе, памятуя о главном своем задании – установить источник утечки информации из особняка Никандровых к похитителям Дэна. Но был человек, точнее, особа, с которой Панова побуждали сблизиться не обязательства контракта, а веление собственного сердца, пораженного сразу двумя божественными лучниками: Амуром, богом романтической любви, и Эротом, божеством плотского вожделения, по-современному – секса, метящего обычно не столько в сердце, сколько в другие, не менее прекрасные, но не столь возвышенные части возлюбленных тел. Какая мифологическая стрела и в каком органе его тела засела глубже, Глеб пока не решил, но чувствовал, как постепенно созревает до кондиции знаменитого поэта, в порыве страсти восклицавшего: «Хочу упиться роскошным телом! Хочу одежды с тебя сорвать!» Вид Юлиного тела, обнаженного волею случая значительно ниже пупка, оставил неизгладимое впечатление и в его сердце, и во всей телесной субстанции, и если не сорвать грубо оставшиеся в тот раз на девушке одежды, то совлечь их в более подходящей обстановке он был очень даже не прочь.

Однако увидеть самую интересную для него фигурантку Пану никак не удавалось. После пережитого шока Юлия лежала в своей спальне в окружении спешно вызванных светил медицины, рангом не ниже профессора и доктора медицинских наук. Позже, после тщательного обследования пациентки и длительного консилиума, светила разъехались по своим частным клиникам и государственным НИИ, оставив при болящей двух своих коллег: профессора-психолога и доктора медицинских наук – то ли психиатра, то ли невропатолога. Глеб надеялся, что, когда Юлия оправится от нервного потрясения, она благосклонно отнесется к его сердечным вздохам. Как-никак он спас ее от смерти, а юные девушки страсть как любят, чтобы прекрасные принцы или, на худой конец, храбрые рыцари их спасали. На принца Глеб, конечно, не тянул, но по-рыцарски спасти красавицу ему подфартило.

«Юлия – натура увлекающаяся, причем чрезмерно и не зная разумных границ», – размышлял Панов. Сегодня она увлечена собачьими санаториями и защитой зверушек. Но если натура идет в разнос, то обычно во все стороны. Возраст у Юлии самый романтический – девичья пора пришла! А когда «пора пришла, она влюбилась», как верно подметил поэт. Или влюбится завтра. И так же сломя голову, как в собачьи меценаты, ринется в бурный океан роковых страстей. Себя-то не изменишь! Глеб лелеял мечту стать лоцманом ее любовной лодки, взять управление в свои руки и направить легкокрылую ладью напрямиком в открытое море любви, благоразумно минуя рифы и мели семейного быта, на которые он напоролся в предыдущем плавании. Заманчивой перспективой необременительной любви соблазнил его сластолюбивый Эрос... Букет алых роз, бокал шипучего шампанского, ночь любовных восторгов, нежный прощальный поцелуй утром и – до свиданья, любимая! До скорых и радостных встреч! И всем хорошо, все счастливы и довольны... Но Амур, бог любви возвышенной, тоже не дремал, а напускал сиреневого тумана и так затуманил пановские мозги, что в его воспаленном воображении стали возникать, наподобие фата-морганы, разные романтические картины. Вот он с молодой супругой и двумя прелестными малютками, кудрявеньким мальчиком и голубоглазой, точь-в-точь как Юлия, девочкой прогуливается по садовой аллее, среди ярких цветов и порхающих бабочек. Горячо любимая и нежно любящая жена берет его под руку, ласково прижимается к плечу, а ее красивую головку покрывает белоснежная фата...

«Чур-чур меня!» – стряхивая с себя сиреневое наваждение, в ужасе мысленно завопил Панов и даже руками замахал, изгоняя из головы жуткую фантазмагорическую картину.

Его всполошила не хронологическая непоследовательность событий: сначала малюток, а потом белоснежная фата их мамы. По нынешним временам это обычная вещь. Просто после диких скандалов, которые ему закатывала бывшая жена, белоснежная фата невесты стала

для него страшнее савана мертвеца. Навсегда захлопнув за собой двери собственной квартиры, Глеб поклялся обходить отныне загс десятой дорогой и рассчитывал, что собаколюбивой Юлечке за хлопотами и заботами о ее хвостатых питомцах недосуг будет думать о юридическом оформлении их романтических отношений, если таковые возникнут. Тем более что при папиных-маминых капиталах никаких корыстно-материальных стимулов у нее нет и быть не может, матримониальных – тем более. Общеизвестно, что успешным, то есть богатым, женщинам на фиг не нужны никакие мужья. Вот бой-френды – это да, и в неограниченных количествах!

«Так почему бы мне не стать Юлиным бой-френдом? – спрашивал себя Панов. – Что я, хуже других? Внешностью Бог не обидел, здоровье отменное. Муж ей не требуется? А я и не набираюсь. Как сказал поэт: “Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить. Но зато в эти ночи весенние я могу о любви говорить...” И не только говорить!»

Вот такие планы строил Панов, науськанный коварным Эротом. Но Амур не сдавался, а все поддавал и поддавал сиреневого тумана. И опять наплывала фата-моргана: он катит коляску с очаровательными близняшками по той же зеленой аллее, среди цветов... «Гули-гули-гули...» – щекочет он их пухленькие животики и вставляет соски в их маленькие ротики... А горячо любимая и пылко любящая жена нежно прижимается красивой головкой к его плечу. Головка на этот раз, слава богу, без белой фаты. Схватка двух божественных противников, при явном преимуществе Амура, бушевала в душе Панова весь день и всю последующую ночь, а утром он наконец увидел и вожденный объект своих вздыханий и томлений.

Юлия появилась на аллее не одна. Следом за ней шел верный кот Брут, за котом плечом к плечу и хвост к хвосту – Улада и Руслана, а замыкали процессию два медицинских профессора: психолог и психиатр-невропатолог. Доктора шли с вытянутыми вперед руками, готовые в любую минуту подхватить болезненную пациентку, чуть только она пошатнется. И как только в походке девушки возникала некоторая неуверенность, доктора кидались вперед. Но Юлия самостоятельно восстанавливала равновесие и протестующим жестом руки заставляла эскулапов держаться на расстоянии. Панов наблюдал эту картину из-за угла дома, и вид Юлии его одновременно и обеспокоил, и восхитил. Обеспокоила ее неуверенная походка, а восхитило отсутствие всех прибаамбасов, которые так уродовали красавицу при их первой встрече. На голове теперь отсутствовали макароны, а волосы приняли свой естественный золотистый цвет и свободно ниспадали на плечи хозяйки. Чудовищные лосино-галифе были отправлены в отставку, и их заменили джинсы, правда, тоже очень модные, с двумя дырками спереди на каждой штанине. В джинсы была заправлена белая рубашка. Панову захотелось как следует рассмотреть лицо девушки, поздороваться, поинтересоваться ее здоровьем и (память-то девичья коротка) напомнить ей о себе.

Юлия медленно шла в направлении своего собачьего питомника, Глеб, хоронясь за кустами, быстро ее обогнал и двинулся навстречу по той же аллее. Вблизи Юлия напоминала прекрасную лунатичку. Лицо ее побледнело, но, освобожденное от страшного макияжа, стало еще красивей. Огромные голубые глаза смотрели на Глеба, хотя вряд ли что-то видели. Во всяком случае, Юлия его не узнала. Глеб поздоровался, пухлые алые губки шевельнулись в ответ, но до пановских ушей не долетело ни звука. Той же неуверенной походкой сомнамбулы девушка прошла мимо своего неузнанного спасителя, а Панов, постеснявшись строгих профессоров, не решился пристроиться к процессии, но вновь за кустами ее обогнал и продолжил свои наблюдения из-за зеленого укрытия. Чем ближе Юлия подходила к вольерам, тем увереннее становилась ее походка. Видимо, приветственный лай, вой, визг и скулеж ее мохнатых питомцев, почуявших хозяйку, казались ей слаще фуг Баха, концерта для скрипки с оркестром Бетховена и хитов современной поп-музыки во всем их разнообразии. А непосредственное общение с элитой собачьего сообщества, по ее указаниям выпущенной служителем из вольеров, подействовало на болящую благотворнее любых медицинских процедур. «Хорошо еще, что не выскочила вся псарня, – подумал Глеб, – а то бы благодарные Жучки

и Шарик зализали свою благодетельницу до смерти!» Но и ограниченного контингента хвостато-языкастых поклонников оказалось достаточным для чудесного выздоровления больной. Юлия окончательно воспряла духом, деловито отдавала распоряжения служителю и ветеринару, самолично оказывала особо запаршивевшим псам медицинскую помощь и награждала лакомством из услужливо поднесенного служителем огромного ведра всех мохнатых пансионеров, не дискриминируя никого, даже последнюю шавку. Эскулапы радостно констатировали несомненное исцеление больной, причем психолог открыто торжествовал, психиатр смущенно разводил руками. Видимо, ранее врачи разошлись во мнениях о полезности для пациентки лечебно-собачьей процедуры, но психолог настоял на ее проведении и оказался прав.

Недовольство происходящим выражали только Брут, шипевший на собак с плеча Юлии, и Услава с Русланой, с трудом отбивающиеся от назойливых приставаний лохматых джентльменов. Завершив благотворительный вояж, Юлия бодрым шагом направилась обратно к дому, но теперь процессию возглавлял Брут, спрыгнувший с плеча хозяйки, за ним трусили Услава с Русланой, а следом шла возрожденная Юлия в сопровождении медиков. Панов, с изумлением и радостью наблюдавший за чудесной метаморфозой, подумал, что его час наконец-то настал и очнувшись от пережитого шока Юлия теперь его узнает, а любезные речи, заранее заготовленные, произведут на девушку должное впечатление. Так же скрываясь за кустами, он опять обогнал оздоровительную экспедицию, вынырнул из-за клумб и с невинным видом направился к дверям особняка, рассчитав, что окажется там одновременно с Юлией. Но не доходя до места предполагаемого Глебом randevу шагов двадцать, девушка вдруг побледнела, зашаталась, и медики едва успели подхватить ее под руки. На их тревожный крик из дома выскочили охранники. Панов тоже бросился на помощь, но ему довелось лишь поддержать Юлин локоток из-за спин эскулапов. Впрочем, спустя минуту Юлия оправилась, отстранила докторов и в сопровождении хвостатой, медицинской и силовой свиты удалилась в свои апартаменты, а огорченный, встревоженный и разочарованный Глеб остался стоять перед дверями, даже не замечая, что от досады чешет собственный затылок. Закончив эту скорбную процедуру, Панов вздохнул, оглянулся и вдруг увидел за той же клумбой, откуда он недавно так резво выскочил, Новикова с яблоком в руке. Кусая яблоко, начальник охраны глядел на нерасторопного Юлиного поклонника, ехидно усмехался и с деланным изумлением покачивал головой, как бы говоря: «Хорош гусь! Увидел красивую девчонку и сразу спекся. Теперь его хоть яблоками фаршируй!»

Глеб сначала хотел послать не в меру любопытного приятеля куда подальше вместе с его фруктовым аппетитом и ехидством, но вовремя вспомнил, что улыбается Новиков скорее всего для того, чтобы не плакать. Недавно Панов стал свидетелем публичного разноса, который Нелли Григорьевна устроила своему главному бодигарду. Надменная красавица, не повышая голоса, морально стерла обмишулившегося начальника охраны в порошок и, фигурально выражаясь, втоптала его в грязь, завершив выволочку презрительным вопросом: «Вы хотя бы сами себя способны будете защитить?»

И Панов отметил: вываляв своего главного охранника в дерьме, хозяйка особняка все-таки не собирается его увольнять. Усек это и Новиков и стал с жаром уверять шефиню, что впредь сумеет устранить все охранные огрехи и ее жизнь и жизни всех членов никандровского семейства будут в полной безопасности. О том, что ее неожиданный отъезд отчасти послужил причиной гибели Никиты, Новиков благоразумно умалчивал. И правильно делал. Начальник охраны обязан заранее просчитать все варианты, в том числе предусмотреть возможность непредсказуемых поступков взбалмошных дамочек. И его ссылки на эти объективные обстоятельства никто принимать во внимание не станет. Так что усмехаться ему осталось недолго. До возвращения Никандрова мачеха может отнестись снисходительно к бодигарду, не уберечьшему ее пасынка. Еще неизвестно, как она сама к этому пасынку относилась. Может, терпеть его не могла и он платил ей взаимностью. Но родной отец убитого вряд ли будет столь же снисходителен к виновнику гибели своего сына. Люди обычно склонны проявлять милосердие

к обидчикам посторонних для них людей, а когда затронут их самих или близких им людей, куда только исчезают их благодушие и терпимость! Готовы в клочки разорвать виноватого, да и косвенно причастным к происшествию или не причастным вовсе тоже достанется на орехи! Отец Никиты собирался прилететь уже вечером. Панов и так удивлялся, какие дела могли задерживать Никандрова за границей, ведь о гибели сына его известили еще накануне. Чтобы не попасть под горячую руку хозяина и не остаться без оговоренной оплаты, Глеб намеревался к его приезду закончить ревизию охранной сигнализации по периметру поместья, чтобы отчитаться перед заказчиком за определенную работу.

Неисправностей оказалось больше, чем Панов предполагал, и более-менее наладить работу охранной системы Глеб смог только к концу дня. Теперь следовало проверить сигнализацию в особняке, и Панов намеревался начать с кабинета хозяина. Не успел он подняться по парадной лестнице на второй этаж, как встретил запыхавшуюся Оксану, которая сообщила, что давно его ищет: приболевшая молодая хозяйка пожелала с ним побеседовать и потому просит ее навестить.

Глеб поднялся на второй этаж особняка и прошел через зал, застеленный огромным зеленым ковром. Это его наивные Услава-Уся и Руслана-Руся, отведав супермаркетовых деликатесов, принимали за газон. Очищенный безотказной Оксаной от последствий пищевых диверсий, он снова сиял перевозданной псевдотравяной свежестью. Пустующие теперь комнаты Никиты примыкали к залу, и хотя Панов за время своей полицейской службы видел много смертей и трупов, тень погибшего молодого человека чудилась ему за закрытой дверью. Из апартаментов юной хозяйки, расположенных дальше по коридору, мимо Никитиных дверей и пробежали обычно Юлины собачки, любившие порезвиться на зеленом ковровом газоне. На этом пути их подстерегал, наподобие Соловья-разбойника, ныне покойный Никита с несанкционированным угощением, несовместимым с изнеженными диетическим питанием собачьими желудками. Сейчас бдительное тьяканье Юлиных любимиц доносилось из ее спальни, пока Глеб выслушивал последние наставления медиков: разговаривать с пережившей тяжелое нервное потрясение девушкой следует недолго и очень деликатно, избегая неприятных тем, чтобы не расстроить и без того расстроенную психику больной. Панов пообещал, что будет строго следовать врачебным рекомендациям, и одним пальцем деликатно постучал в двери Юлиной спальни. Мелодичный голос девушки, разрешавшей войти ожидаемому гостю, и сварливое тьяканье Уславы и Русланы послужили ему ответом. Глеб открыл дверь, и перед его глазами предстала картина, достойная кисти самого изысканного художника-буквалиста. Стены Юлиной спальни, выдержанные в нежно-лазоревого тонах, изящно сочетались с дорогой антикварной мебелью под старину, сама недужная хозяйка возлежала на широкой ослепительно белой постели в белом же кружевном пеньюаре, до пояса прикрытая белейшим атласным одеялом. Волна золотистых волос обрамляла прекрасное лицо с огромными синими глазами и падала на округлые покатые плечи, такие же нежно-белые, как и открытые до плеч руки, уже без следа скалящихся тигров и злобных змеюк на предплечьях. Татуировки, пирсинги в носу и на губе вместе с ядовитой косметикой исчезли без следа. Как обстояло дело с украшением на пупке, для Глеба осталось тайной, покрытой пеньюаром. В целом картина была так очаровательна, что Панов не мог не воскликнуть, мысленно, конечно: «Ангел, настоящий ангел!» В таком виде придворные живописцы тринадцатого века, преимущественно французского происхождения, изображали неземной красоты аристократических пастушек, и для полноты пейзажа не хватало лишь овечек, которых здесь заменяли Услава, Руслана и Брут, делившие ложе со своей ангелоподобной хозяйкой. Причем собачки не жили у нее в ногах, а кот возлежал прямо на подушке, пушистым серым хвостом шевеля мягкие золотистые волосы Юлии. С умильной улыбкой Глеб приветствовал деву красоты, пожелал ей доброго вечера и выразил надежду, что теперь больная чувствует себя лучше.

– Гораздо лучше, – подтвердила Юлия и пригласила гостя присесть на мягкий пуфик вблизи ее кровати.

Разговор завязался несколько сумбурный, потому что и хозяйка, и гость немного смущались. Наладить ненатужное общение помогли эрзац-овечки. Глеб попросил разрешения погладить собачек и кота, и те отнеслись к его ласке с доверием, а Брут даже перебрался с Юлиной подушки к нему на колени и довольным мурлыканьем одобрял почесывание гостем его пушистой шейки.

– Даже Брут вас признал, а обычно он не доверяет мужчинам! – удивилась Юлия. – Животные прекрасно чувствуют, злой человек или добрый – их не обманешь! Злому они никогда не поверят, а с вами сразу подружились!

Чтобы не тревожить больную, Глеб не касался в разговоре трагического происшествия, но Юлия сама стала рассказывать об обстоятельствах гибели брата. Вначале их прогулка не была особенно приятной. Никита пытался несколько раз подстрелить ворон, но сестра временно толкала его под руку, и он в них не попадал. Никита на нее сердился, ругался и называл неприличными словами, но потом стал смеяться, и они помирились. У Юлии тоже улучшилось настроение, потому что все птицы остались живы и здоровы. Они доехали до озера, Никита захотел искупаться и снял одежду. Юля тоже собралась окунуться, но у нее не было с собой купальника и пришлось отойти за кусты. Ведь не очень прилично показываться в нижнем белье даже брату.

Она успела снять только блузку, когда раздался выстрел и крик Никиты. Юлия пыталась помочь раненому, а может, уже и убитому, но, когда выстрелили и в нее, так испугалась, что перестала что-либо соображать, и о последующих событиях помнит смутно. Но очень благодарна Панову за свое спасение: нога у нее запуталась в стремях, и если бы не его помощь, она наверняка вывалилась бы из седла и лошадь потащила ее головой по земле... И еще она признательна Глебу за ветровку и возвратит ее вскоре с благодарностью. В жизни ей часто приходилось разочаровываться в людях, а от мужского племени она изначально не ждала ничего хорошего. И как же приятно ей сейчас признать свою ошибку! Есть, есть еще настоящие мужчины – Рыцари с большой буквы! Она интуитивно почувствовала это еще при их первой встрече, когда Глеб охотно согласился погулять с Усладой и Русланой и собачки сразу к нему потянулись. И Юлия опять стала горячо благодарить Панова, но теперь почему-то не только от себя лично, но и от лица Услады, Русланы и всех их мохнатых, хвостатых и зубастых соотечественниц и соотечественников России. Или в этом случае следует говорить «от морд»? В заключение своей пылкой речи Юлия снова назвала Глеба «Рыцарем с большой буквы», а также «рыцарем без страха и упрека».

Некоторую сумбурность Юлиного монолога Глеб отнес на счет девичьего смущения и застенчивости, и это еще выше поднимало Юлию в его глазах. Согласитесь, смущающаяся и застенчивая девушка (это в наше-то современное время!) дорогого стоит! Глеб вдруг ощутил необыкновенное сердечное волнение, словно его то возносило под облака, то опускало на дно морское. «Вот в таком состоянии охваченные любовным безумием мужики и начинают говорить стихами», – промелькнуло у него в голове.

И точно, живи он в восемнадцатом веке, наверняка бы выдал что-нибудь вроде: «Богородица царица Киргиз-Кайсацкия орды...» Тем более что охрана Никандровых вкуче с прочей челядью вполне тянули на приличных размеров орду, разве что не киргиз-кайсацкую. А когда дева красоты и скромности возвела его в сан рыцаря, пановская голова совсем пошла кругом и над ней окончательно сомкнулись бурные волны, не совсем морские, но зато амурские. Только пузыри пошли по поверхности... Само собой, имеется в виду не дальневосточная река, чьи волны источают запах китайского фенола, а волны романтического сиреневого тумана, напускаемого богом возвышенной любви на заболевших нежной страстью индивидуумов. Амур полноправно царил в душе Глеба и, подобно модному блатному архитектору, беспрепятственно

возводил там прекрасные воздушные замки. Меж этих великолепных сооружений, с любимой женой, нежно прижимающейся щекой к его плечу, он идет по усыпанной желтым песочком дорожке, среди цветов и душистых трав, и везет детскую коляску с двумя очаровательными крошками... Нет, крошки, мальчик и девочка, уже подросли и держатся ручонками за папины брюки и мамину юбку, а в коляске гуляет еще одна голубоглазая девчурка, ужасно похожая на маму, или мальчуган, тоже голубоглазый... А бог плотской, приземленной любви Эрот придулся где-то в самом темном углу его души и завистливо смотрит на триумф своего божественного конкурента.

В общем, пока Юлия превозносила благородного героя, своим примером реабилитировавшего мужское племя, а Амур, совместив воздушную архитектуру с вокалом, торжественной эпиталамой взывал к небесному коллеге: «О, Гименей! Бог Гименей!» – а бог законного брака Гименей исполнял соло на трубе марш Мендельсона, в задуренной любовью голове Глеба промелькнули все романтические иллюзии, какие только может напридумывать себе инфицированный нежной страстью молодой человек. Все бредовые мечты, в том числе опасные для психического здоровья самого мечтателя, побывали тут. «Пусть, пусть будет даже белая фата, – в стиле караоке прошептал про себя временно помешанный антропос. – Я на все согласен».

Прекрасные опасные мечтания Пана прервала Юлия, протянув мечтателю плотный конверт, который вынула из-под подушки. Глеб машинально принял это непочтовое отправление и сразу нащупал внутри пачку чего-то, предположительно бумажного. И тут сознание его странным образом расщепилось. Разумом он понимал, что получил законвертированную бяку, никоим образом не совместимую с прекраснодамско-рыцарскими отношениями. А сердце по инерции продолжало одурманивать его любовным бредом... Мол, Юлия тоже питает к нему нежные чувства и выразила их в любовном послании, возможно, даже в стихотворной форме. Судя по толщине бумажной пачки в конверте, там была целая любовная поэма, где вместо точек только строчки и все на букву «л». Глеб вскрыл конверт и убедился, что разум, как всегда, оказался прав.

Из конверта выглядывала толстая пачка долларов. Гименей завершил торжественную трубную мелодию жалобным писклявым пуканьем, и оба бога испарились с возвышенно-любовной эстрады без следа, как поп-звезды, не поладившие с начальством телеканала. Только приземленный Эрот усидел в своем темном углу и не без ехидного торжества провещал оттуда: «Я же говорил! Я же предупреждал!» Воздушные замки в душе Панова обрушились со страшным грохотом, как небоскребы, построенные гастарбайтерами, и последний миг придавленных обломками романтических иллюзий озарило роковое откровение: «Бой-френд-дам прекрасные девушки не суют подачки в конвертах, а любимым женихам – тем более!» Профессиональная выдержка не подвела и помогла Пану сохранить на губах умильно-благодатную улыбку, но женская интуиция все же подсказала Юлии, что происходит что-то не то. Она истолковала это «не то» в соответствии с действительностью и извиняющимся тоном объяснила Глебу, что большей суммой она в настоящее время, к сожалению, не располагает. Вот когда прилетит папа...

Несостоявшийся кандидат в бой-френды и женихи все с той же приятной улыбкой снял со своих коленей мурлыкающего Брута, посадил его на атласное одеяло вблизи Юлиной талии и туда же, в район Брутова хвоста, положил конверт с деньгами.

– Я в детстве очень любил сказки про рыцарей. В этих сказках прекрасные дамы одаривали рыцарей только своей признательностью. Я на рыцарское звание не претендую, но свои детские воспоминания хочу сохранить в первоизданном виде. Вы меня поблагодарили за мою незначительную услугу, и этого более чем достаточно, – Глеб улыбнулся еще шире и по возможности искренней. – Надеюсь вскоре увидеть вас уже абсолютно здоровой и такой же энергичной, жизнерадостной и современной девушкой, как при нашей первой встрече... «С макаронами на голове и клипсой в носу», – последнее пожелание Пан, естественно, не озвучил.

В это время за спиной Панова послышался звук открывающейся двери. Он обернулся и увидел на пороге комнаты яркую брюнетку лет двадцати с небольшим и узнал в ней горничную Лиду, с которой ранее смог познакомиться лишь «орально», когда она громогласно отшила свою хозяйку, навязывавшую ей Усладу и Руслану, и визуально, но только издали. А увидеть ее вблизи ему довелось лишь сейчас. «Эффектная девица, о такой никто не скажет: “Пройдешь – и не заметишь”», – мысленно прокомментировал Глеб выдающиеся во всех смыслах прелести пикантной особы.

Небрежно постучав в уже открытую дверь, брюнетка переступила порог комнаты и сделала несколько шагов, направляясь к вычурному то ли шкафу, то ли комоду красного дерева в стиле Людовика – надцатого с инкрустацией из самоцветов тоже старофранцузского происхождения, но была остановлена хозяйкой бесценного комода:

– Лида, ты же видишь, я разговариваю с человеком. Неужели трудно подождать несколько минут за дверью? Обязательно нужно мне мешать?

– Вы же сами велели найти ветровку, – дерзко возразила строптивая брюнетка, явно не собираясь отправляться за дверь, и при этом посмотрела на Панова. – Наверное, ее засунули в этот шкаф, – и она указала пальцем на старофранцузский раритет.

– Тут ветровки нет. Я просила тебя поискать ее в гардеробной. И между прочим, два часа назад! Неужели двух часов тебе не хватило, чтобы выполнить мою просьбу?

– В этой свалке ничего не найдешь и за четыре часа! – продолжала дерзить горничная.

Бледные щеки болящей Юлии покрылись легким румянцем:

– Не понимаю, о чем ты говоришь. Какая свалка?

– Вот точно такая же! – смелая Лида подошла к старофранцузскому шкафу и распахнула самоцвето-инкрустированные дверцы. Из внутренностей аристократической мебели вывалилась беспорядочная куча предметов женского интимного туалета.

Щеки Юлии расцвели кумачом:

– Я тысячу раз просила тебя навести здесь порядок!

– Да я тысячу раз порядок наводила – на следующий день опять та же мешанина!

– Потому что ты каждый раз все раскладываешь по-разному. Чтобы что-то найти, приходится все переворачивать вверх дном! Ты никак не можешь понять: каждая вещь должна лежать на своем, раз и навсегда отведенном для нее месте. Хотя бы брала пример с Оксаны, она все делает аккуратно.

– Ах, мне брать пример с Оксаны?! – взрепенилась Лида. – Ладно. Тогда я тоже буду бить Усладу и Руслану мокрой тряпкой по мордам, когда они нагадят на ковер в зале. А ваши милые собачки делают это постоянно! Не зря бедняга Дэн и покойный дорогой мой... наш Никитусик называли их Уся-Руся!

– Что?! Как?! Мокрой тряпкой?! Усладу и Руслану?! – разгневанная Юлия всплеснула руками, захлебываясь в бурлящем эмоциональном потоке боли и возмущения.

Но тут в комнату вбежала Оксана, явно подслушивавшая за дверью, и набросилась на Лиду:

– Ты все врешь! Я не била Усладу и Руслану мокрой тряпкой! Я просто вытирала им мордочки, потому что ты ткнула собачек носами в их это самое! – и несправедливо обиженная Оксана разрыдалась.

Тут начался настоящий бедлам: Юлия кричала, Услава и Руслана тявкали, Брут шипел, Оксана рыдала, а Лида, пытаясь перекричать хозяйку, опровергала Оксанины обвинения и одновременно обличала разрявившуюся коллегу в нанесении собачкам тяжкого морального вреда посредством мокрой тряпки. Только подросшие медики не позволили бедламу плавно перерасти в бой без правил. Они выгнали из спальни и Лиду с Оксаной, и Глеба, а сами остались успокаивать, утешать и врачевать потрясенную внезапно открывшейся неприглядной правдой больную.

Выйдя из апартаментов Юлии с руинами Амуровых воздушных замков в душе, Панов прошел по коридору и ступил на тот самый зеленый, размером с хорошую лужайку ковер, который Услава и Руслана путали с лужайкой и газоном. Там он нос к носу столкнулся с Новиковым. Лицо начальника охраны было встревоженным и мрачным, но по губам змеилась ехидная улыбка:

– Ну что, наш рыцарь удостоился аудиенции у царицы своего сердца? Выразила красавица свое восхищение его рыцарским подвигом?

«Вот так информация к размышлению! – ахнул про себя Глеб. – Начальник охраны прослушивает апартаменты дочери своего хозяина!»

Постаравшись не выдать своего удивления, он сердито буркнул в ответ:

– Какой еще рыцарь?

– Такой! – еще ехидней усмехнулся Новиков. – Рыцарь псиного образа!

– Очень дружелюбная шутка! – иронически поблагодарил бодигарда Панов.

– Не дружелюбная шутка, а настоящая дружеская услуга и помощь! – совершенно серьезно уверил приятеля Новиков. – Я же вижу, что ты, несмотря на мои предостережения, по уши врезался в Юльку. Мы, мужики, как увидим красивую мордашку и соблазнительную попку, сразу теряем голову. Тут ничего не поделаешь, инстинкт! Я и сам такой! Поэтому посочувствовал тебе и захотел по-дружески помочь. Как говорится – помоги ближнему, и ближний поможет тебе... Ты думаешь, что в Юлечкиной красивой головке зародилась симпатия к тебе потому, что ты эту самую голову сохранил на плечах? Как бы не так! Для Юлечки собачья голова дороже всех человеческих, в том числе и ее собственной! Поэтому я рассказал Оксане (со мной-то принцесса не разговаривает) о том, как ты в горах спасал Найду. Помнишь? Оксана, естественно, передала мой рассказ хозяйке, ну а Юленька, собачья фанатка, сразу разохалась: «Ах, вот это настоящий мужчина! Ах, есть еще рыцари в наше время!»

«Горничная докладывает начальнику охраны о своих разговорах с хозяйкой. Интересно, именно докладывает или просто рассказывает», – размышлял Панов, припоминая давний эпизод из времени своего пребывания в «горячей точке».

Глава 7

Тогда его группа совместно с армейцами под командованием Новикова выполняла боевое задание далеко в горах. Операция прошла успешно, и отряд отходил к месту своей постоянной дислокации. Впереди шел инструктор-кинолог Петр Петров, которого все звали Петя-два, с овчаркой Найдой, выдрессированной для обнаружения взрывных устройств. Найда была чрезвычайно умной и ласковой собакой, все ее баловали и старались угостить кусочком повкуснее, хотя Петя-два сердился и говорил, что этого делать не следует. И Найда за эти лакомые кусочки всех отблагодарила с лихвой, когда на пути движения опергруппы унюхала мощное взрывное устройство, поставленное устроившими засаду бандитами. Если бы милиционеры и солдаты прошли еще немного вперед и оказались в зоне поражения, мало бы кто уцелел. Но Панов и Новиков вовремя отдали команду рассредоточиться и обойти боевиков. Засада была уничтожена, однако в результате столкновения тяжелые ранения получили несколько бойцов, в том числе и инструктор-кинолог. Досталось и Найде. Раненых и их оружие предстояло выносить на себе по пересеченной местности, потому что вертолету нигде было приземлиться. Люди и так надрывались под тяжестью непосильной ноши, и ни Панов, ни Новиков не решались приказывать своим подчиненным взвалить на себя еще и тяжеленную Найду. Вздохнув, Новиков предложил пристрелить раненую собаку, чтобы бедняга не мучилась.

– Нет, Найда вроде как наша боевая подруга. Жизнь нам спасла, а мы ее пристрелим? И кем после такого предательства, пусть даже и собаки, станешь себя считать?

– А мне, думаешь, собаку не жалко? – обиделся Новиков. – Но положение безвыходное. Прикажи кому-нибудь из своих нести еще и Найду, но если он свалится вместе с ней в пропасть и мы получим два трупа, кем тогда прикажешь считать тебя? Короче, я на себя такую ответственность не возьму и подобного приказа никому из своих солдат не отдам.

– И я никому не стану приказывать, а потащу ее сам, – ответил Глеб.

– Обалдел?! – накинулся на него Новиков. – Ты посмотри, сколько на тебе уже навьючено! Хорошо еще, если только надорвешься, а если сам вместе с Найдой сверзишься в пропасть?!

– Ничего, выдержу, – решительно ответил Панов и взвалил себе на плечи обмотанную бинтами Найду.

К счастью, все обошлось. Опергруппа благополучно добралась до базы. Раненых отправили в госпиталь, к Найде пригласили ветеринара, и всех пострадавших в конце концов вылечили. Только ранение не прошло для Найды бесследно: работать в войсках она уже не могла, и инструктор, выйдя из госпиталя, забрал перешедшую на инвалидность боевую подругу с собой. Теперь Найда бдительно несла сторожевую службу на его шести сотках. Панов прошлым летом навестил бывшего сослуживца и с удивлением увидел на калитке жестяную табличку с изображением оскаленной собачьей морды и многозначительной надписью: «Здесь сторожу я». А под мордой краткое и категорическое предупреждение: «Разорву!».

– Найда, ты что же – на войне была доброй и ласковой, а пожила мирной жизнью на гражданке и озверела? – трепля грозную сторожиху по загривку, поинтересовался Глеб.

Найда в ответ лишь еще быстрее завалила хвостом, облизала старому знакомому руку и ткнула носом в карман пановской куртки, где лежал припасенный для нее презент – солидный шматок колбасы. Похоже, нюх после ранения она утратила не совсем.

– Тут озвереешь! – вздохнул Петя-два, пожимая руку гостю. – Алкаши и наркоманы замучили. Все тащат! А по злобе и пьяни еще могут и сжечь. Но этим летом, слава богу, все было спокойно. Уже месяца три как никто не залезал. А на Найду экстремальные обстоятельства никакого влияния не оказали, осталась такой же лизуньей и людифилкой, как и раньше. Так что это, – Петя-два указал на грозную надпись, – всего лишь элемент психологической защиты.

– И действует? – удивился Панов.

– А то! Да ведь во всем мире так. Где законодательствуют под девизом «Возлюби ближнего своего» (в смысле – ближнего к Уголовному кодексу), там бардак и беспредел, как у нас. А в странах, где закон без обиняков предупреждает: «Разорву!» – там и рвать никого не надо, и так не сунутся. Конечно, после показательного и назидательного примера. У соседей здоровенная кавказская овчарка. До чего зла и хитра, прямо ужас! Этой весной залез к ним на участок вор. Так она даже не гавкнула, пока тот не стал выставлять в доме окно, только тогда и набросилась. Всего изорвала, уже до горла добиралась, еще минута – и загрызла бы насмерть! Хорошо, хозяева вернулись и успели пса оттащить. Вот с тех пор у нас покой и порядок. Оно, конечно, вроде бы жестоко: за украденное барахло рвать человеку горло. Но десятки тысяч убитых, сотни обворованных, ограбленных, искалеченных, изнасилованных ежегодно и миллионы озверевших от уголовного беспредела граждан – еще хуже.

Панов только развел руками: с подобной аксиомой все нормальные люди, кроме кучки политиканствующих аферистов, согласятся. Тут и спорить не о чем...

Новиков на краткое время тоже погрузился в воспоминания и замолчал, но затем тряхнул головой, как бы прогоняя тени прошлого, и спросил:

– Ну и как прошло долгожданное свидание? Юлия отнеслась к тебе благосклонно?

– Более чем благосклонно, – подтвердил Панов. – Даже деньги в конверте предлагала.

– А-а-а! То-то ты такой смурной. Ну ничего, привыкай. Ты пьесу Островского «Бесприданница» читал? Помнишь, как там безденежную невесту покупали и перепродавали? Вот и ты для нашей «девушки из высшего общества» такой же «бесприданник». И зря не взял у нее деньги. Как говорится, с «высокородной» овцы – хоть шерсти клок...

– Спасибо на добром слове и совете, – саркастически усмехнулся Панов. – Мне только твоих драматургических изысканий и не хватало, Добролюбов доморощенный. Расскажи лучше, как продвигается расследование убийства Никиты? А то следователь Духанский меня подозревает и на любой вопрос отвечает одно: «Это тайна следствия».

– А! Он всех подозревает, – махнул рукой Новиков. – Да я и не интересуюсь ходом его расследования. Какой в этом смысл? Все равно убийцу Никиты не найдут.

– Почему не найдут? – не согласился Панов. – По-моему, имеются хорошие перспективы для раскрытия этого дела.

Новиков молча смотрел на собеседника, и было заметно, что у него так и чешется язык, чтобы высказаться от души и по существу, но он сдержал себя и лишь опять махнул рукой:

– Не найдут!

В это время у него в кармане запищал мобильник. Новиков выслушал чей-то доклад и сообщил:

– Никандров прилетел, и они с Нелли уже на подъезде к Малинской. Выйдем во двор, встретим хозяина.

«Да, плохи его дела, – подумал Панов, направляясь вслед за Новиковым к парадному входу в особняк. – Если начальнику службы безопасности не доверяют организовать встречу шефа в аэропорту и сопровождать его до дома, то начальником он пробудет недолго».

Новиков как будто подслушал мысли Глеба и, тяжело вздохнув, пожаловался:

– Никандров на меня зол как черт и собирается уволить, хотя в гибели Никиты моей вины нет. Ты сам тому свидетель: видел, почему и как он оказался без охраны. Но я не собираюсь ни на кого сваливать свою ответственность.

«Еще бы, – подумал Панов. – Попробовал бы ты спихнуть свою вину на супругу шефа, забравшую Никитиных телохранителей. То-то Никандров стал бы довольным и смягчился. Начальник службы безопасности на то и начальник, чтобы предвидеть все возможные накладки заранее».

Новиков опять словно подслушал пановские размышления:

– У меня одна надежда на Нелли. Она знает, что я никогда ее не предаю, и заступится за меня перед мужем. Ну и ты можешь по-дружески за меня поручиться. Много раз видел меня в деле и знаешь, что я за человек.

– Я, разумеется, могу сказать о нашей совместной службе в горячей точке только хорошее. Но кто меня станет спрашивать? И на Нелли ты, по-моему, зря надеешься. Как она тебя чихвостила – я тому свидетель. Если хозяйка хоть половину той ругани, которую тогда вылила на твою голову, протранслирует мужу, тебе кранты!

– Нелли просто ожесточена на весь мужской род. Я же рассказывал, что ей в юности через многое пришлось пройти. Но сердце у нее доброе. И обо мне тебя наверняка расспросят. Вот увидишь! Так что не подведи...

Тут Новикову опять позвонили: хозяин въезжает на территорию поместья. Несколько оставшихся в особняке охранников во главе с Новиковым выстроились на манер почетного караула у парадного подъезда, причем Панова начальник службы безопасности поставил рядом с собой, предупредив, что хочет сразу же представить его боссу.

Никандров – солидный, полноватый, представительный мужчина лет пятидесяти, с мрачным лицом и брезгливо оттопыренной нижней губой, вылез из бронированного «мерседеса» вслед за супругой. На начальника службы безопасности, услужливо открывшего толстую бронированную дверь машины с тонированными стеклами, глянул волком, а в ответ на его приветствие и робкую попытку представить Панова рявкнул что-то нечленораздельное, скорее всего просто выругался матом. Затем рука об руку с супругой, как мимо горелых пней, прошел мимо изображавших почетный караул охранников. И, не обратив ни на кого никакого внимания, скрылся в доме.

Ожидавший нечто подобное от первой встречи с хозяином Новиков быстро оправился от растерянности и вошел в дом вслед за ВИП-четой, сделав знак Панову следовать за ним. Процессия поднялась по мраморной лестнице на второй этаж и вошла в зеленый газоноподобный зал, где Новиков с Пановым остались, а супруги прошли дальше в апартаменты Юлии. Прождав хозяйских распоряжений с полчаса, Панов попросил своего непосредственного начальника отпустить его подобра-поздорову. Работы еще непочатый край, лучше заняться делом, а не растрчивать время на бесплодные ожидания. Но Новиков отрицательно покачал головой и объяснил, что ему следует обязательно дождаться аудиенции у босса, а потом видно будет, чем заниматься в первую очередь. Глеб пожал плечами: начальству виднее. Прошло еще минут сорок. Наконец Никандров вместе с женой покинул дочкины апартаменты и направился через зал к своему кабинету. Новиков опять попытался с ним заговорить, но шеф ничего не ответил и только глянул так, что бедняга отскочил прочь как ошпаренный. Панову Никандров уделил не больше внимания, чем стоявшему у стены стулу, и прошел мимо с полнейшим равнодушием. Но Нелли вдруг что-то шепнула ему на ухо и кивнула головой в сторону Глеба. Никандров обернулся, с некоторым изумлением оглядел «оживший предмет мебели», подошел к Панову, крепко пожал ему руку и многозначительным тоном заверил:

– Я умею быть благодарным!

Затем чета так же рука об руку удалилась в личные покои хозяина.

«Нет, Новиков очень предвзято относится к никандровской дочери, – подумал Глеб. – Юлия, несмотря на пережитый стресс, помнит все, что с ней случилось, и рассказала отцу, от какого несчастья я ее уберег... Не за спасение же Найды Никандров меня благодарил? Он вряд ли принадлежит к числу собачьих фанатов... Впрочем, Никандрова могла обо всем проинформировать вовсе не Юлия, а Нелли». Последнее соображение почему-то расстроило Глеба, хотя дальше расстраиваться вроде было уже и некуда.

Тем временем рядом с Пановым опять нарисовался непотопляемый Новиков. Начальник службы безопасности вытер платком пот со лба и наполеоновским взмахом того же платка (мол, гвардию – в огонь!) послал Глеба вслед за грозным работодателем:

– Проверь сигнализацию в комнате секретаря.

– Но Никандров с женой в кабинете, а секретарская – смежная с кабинетом комната, – возразил Глеб. – Может, не стоит мешать супругам, подождем, когда они оттуда уйдут? А пока у меня и в других помещениях хватает работы.

– Нет, лучше, если ты проверишь там все прямо сейчас, – настоял на своем начальник службы безопасности.

Пожав плечами, Панов отправился выполнять распоряжение. Из секретарской Глебу хорошо было слышно, как Никандров раздраженно говорил жене, что этого идиота, которого он по недоразумению назначил начальником службы безопасности, нужно было уволить еще вчера и он сделает это немедленно, потому что уже определился с подходящим кандидатом на эту должность. С оценкой мужем умственных качеств Новикова Нелли вполне согласилась, но заметила, что в этой стране идиотизм граждан является нормой и потому поиски умного среди сонма дебилов заведомо обречены на неудачу. А если умник вдруг все же отыщется, то просчитывать своим мозговым компьютером он станет отнюдь не интересы нанимателя, а свои собственные. Как делают все умные люди. И если могущественные и богатые враги Никандрова заплатят «быстрому разумом Невтону» больше, чем платит хозяин, этот умник сам же и подложит бомбу в никандровский «мерседес». Новиков же хоть и вправду остолоп, но в силу той же своей дурачности не способен на предательство, какую бы сумму недоброжелатели Никандрова ему ни предлагали. Его дурацкую честность, кстати, может подтвердить человек, упомянутого болвана хорошо знающий и, главное, сам заслуживающий некоторого доверия. Нелли распахнула дверь в секретарскую и указала Никандрову на проверявшего прибор видеонаблюдения Панова.

– Наш новый сотрудник воевал вместе с Новиковым в «горячей точке», следовательно хорошо его знает и может объективно обрисовать как человека. Как вы считаете, – обратилась она к Глебу, – Новиков способен предать моего мужа?

Никандров, видимо, понял, что новый сотрудник, ставший нечаянным спасителем Юлии, и есть посланец Медведева, выбору которого он действительно доверял, и пригласил Глеба в кабинет. Там Панов рассказал, что в боевой обстановке Новиков проявил себя очень достойно, пользовался большим авторитетом среди сослуживцев, так что все отзывались о нем как о честном, храбром и преданном своему воинскому долгу офицере. И нет никакого сомнения, что и в новом своем качестве – начальника службы безопасности – его боевой товарищ исполнит свой долг до конца. Никандров недоверчиво хмыкнул, но говорить о том, что обязательно выгонит Новикова, перестал и в глубокой задумчивости, все так же рука об руку с супругой, удалился во внутренние покои своих апартаментов.

А Панов продолжил свою работу, размышляя попутно о том, что к прежним чертам характера его боевого товарища несомненно прибавилась еще одна: наряду с уставной военной хитростью у Новикова проклюнулась и склонность к хитрости дипломатической. Проявив лояльность к мачехе Никиты, своим несвоевременным отъездом лишившую пасынка охраны, он добился ее ответной доброжелательности. Возможно, даже прямо попросил замолвить за него словечко перед супругом, а в подтверждение своей правоты сослаться на мнение Панова. Вопрос: почему Нелли и Новиков были так уверены, что Никандров прислушается к словам только что нанятого работника? Или Нелли знает о контактах мужа с Медведевым и поделилась этими сведениями с начальником своей охраны? А может, Новиков с ней этой новостью поделился? Во всяком случае, начальник службы безопасности поступил очень умно, не заложив свою хозяйку. Никандров наверняка встал бы на сторону жены, и бедолага только нажил бы в лице Нелли лютого врага. Сейчас же она явно симпатизирует своему бодигарду, а что называет его дураком и остолопом, то как еще молодая жена пожилого мужа должна отзываться в его присутствии о другом, молодом и интересном мужчине? Ведь богатые тоже ревнуют! И Глеб решил не быть глупее Новикова, о выбырке Нелли помалкивать, но выяснить, знала ли хозяйка,

что ее охрана занята осмотром территории поместья, когда пожелала выехать в необычное для нее время. И не рассчитывала ли она, забирая Никитиных бодигардов, что ее пасынок по своей безалаберности отправится на прогулку без охраны, один или с Юлией, а начальник службы безопасности, приверженный к дипломатии, не посмеет остановить хозяйских детей?

«Скоро я, наподобие Духанского, сам начну всех подозревать, – подвел итог своим размышлениям Глеб. – Усомнился даже в старом товарище. А бедняге и так нелегко. Несмотря на свой профессиональный просчет, Новиков как бывший боевой офицер заслуживает хотя бы элементарного уважения со стороны хозяев. Конечно, мать пропавшего Дэна и отец убитого Никиты находятся в стрессовом состоянии и слов не выбирают, но чем терпеть такое унижение, лучше плюнуть на высокий оклад и уйти».

Во всяком случае, на месте Новикова Глеб так бы и поступил. Почему Олег предпочитает покорно утираться от моральных плевков, оставалось только гадать. Но друг нуждался в поддержке, и Глеб позже вечером, когда хозяева улеглись спать, постучался в дверь комнаты начальника охраны на первом этаже особняка. Услышав хриплое и пьяноватое «войдите», Глеб открыл дверь и увидел Олега Валерьевича, сидевшего за столом перед опустошенной бутылкой водки и открытой банкой соленых огурцов.

– А не нажраться было никак нельзя? – риторическим вопросом поприветствовал Панов бывшего боевого соратника.

– Снимаю стресс, – пояснил Новиков, вытащил из-под стола еще один не очень чистый стакан и непочатую бутылку водки, вышиб пробку и разлил содержимое бутылки поровну, себе и гостю.

– Будь! – он опорожнил свой стакан, запустил руку в банку, вытащил огурец, капающая рассолом на стол, отхрумкал половину и гостеприимно пододвинул банку Глебу. – Присоединяйся!

Панов покачал головой и отодвинул свой стакан:

– Разве нельзя разрядить стрессовую ситуацию по-иному? У нас с тобой достаточно сильная нервная система, чтобы сохранять самообладание в любых обстоятельствах без помощи алкоголя и прочих депрессантов.

– Еще тысячу лет назад какой-то там, не помню, князь, но точно один из родоначальников наших Рюриковичей, сказал: «Веселие Руси – питие есть». Так что восстанавливать душевное равновесие алкоголем – это национальная русская традиция, – заметил Новиков и вновь наполнил свой стакан.

– Пусть бы этот Рюрикович за Рюриковичей и говорил, а на всю Русь нечего возводить напраслину! – возразил Панов поклоннику русской старейшей монархической династии. – Что Рюриковичи квасили, спору нет. Вот и выродился весь род. Даже царем в конце концов некого было посадить, пришлось идти на поклон к Романовым. А если бы вся Русь следовала их примеру, кто бы тогда на Куликовом поле побил Мамай, под Полтавой – шведов, а при Бородино – французов? Известно, какие от алкашей рождаются дети – дебилы да хилые. Таких на Куликовом поле татары поганой метелкой бы разогнали! А получилось и тогда, и после совсем наоборот!

Новиков, который успел, слушая Глеба, выцедить еще стакан, совсем осовел, но с нетрезвым упорством искал аргументы в защиту рюриковской концепции.

– Нет, погоди! Ты не путай, что теперь, с тем, что было раньше. Ведь сейчас как: и я у родителей один, и ты сынок единственный. Но нашим матерям повезло: они родили нас здоровыми. А на скольких женщин обрушилось горе – больной ребенок! И мыкается бедняжка с ним всю жизнь по больницам. А в старину никаких контрацептивов не было. Сколько Господь даст, столько и рожали. По десятку и более! Родит баба, допустим, двенадцать деток – шестерых Господь приберет. Раз слабенький, уже и не жилец: врачей-то в деревне тоже никаких не было. Зато шестерым выжившим никакие супостаты были не страшны: ни алкогольно-микробные,

ни шведско-монгольские. Они всех своим железным здоровьем побивахом! Как мы с тобой, – и Новиков опять взялся за бутылку.

Поняв, что продолжать дискуссию с доморощенным, да еще поддатым «генетиком» бессмысленно, Глеб решил воспользоваться его же давешним советом о получении с некой овцы хотя бы клока шерсти, в данном случае – информационного. Алкоголь, конечно, не сыворотка правды, но «сывороткой болтливости» его можно называть смело. Авось в пьяном виде начальник службы безопасности будет откровеннее, а то он все что-то темнит и скрывает, даже от своего боевого товарища. Как и другие обитатели поместья из числа обслуги, которых Панов пытался расспрашивать об обстоятельствах исчезновения Дэна. И охранники, и слуги старались обойти эту тему, отводили глаза и пожимали плечами.

Чтобы сразу не спугнуть предполагаемого информатора, Глеб перевел разговор на другую, самую животрепещущую для собеседника тему и рассыпался в комплиментах в адрес Нелли. Мол, все при ней: и красота, и доброта, и все прочие добродетели. Да к тому же прекрасная леди лишена даже исконных и законных женских слабостей: истеричности и бестолкового паникерства. Никандров после гибели родного сына потерял самообладание, а Нелли в отличие от супруга держит себя в руках и способна адекватно на все реагировать. Взять хотя бы ее трезвую оценку последних событий. А ведь она тоже переживает страшную трагедию: судьба Дениса до сих пор неизвестна. Но его родная мать находит силы вести себя спокойно. Понимает, что крики и вопли поискам Дэна не помогут...

Новиков, несмотря на нетрезвое состояние, сразу разглядел шпильку, которую под видом панегирика Панов подпустил его благодетельнице, и стал оправдывать странное спокойствие безутешной матери. Нелли действительно не только женщина редкой красоты, обаяния и сексуальности, но еще и обладает рациональным мужским умом, а твердостью характера даст фору любому мужчине. Но если Глебу показалось, что она несколько холодно относится к сыну, потому что не устраивает каждый день истерики и не требует от окружающих идти туда, не знаю куда, на его поиски, то он ошибается. Такое поведение Нелли означает только одно: Дэна уже нет в живых, а его похитителей и убийц все равно никогда не найдут. Нелли со свойственной ей необыкновенной интуицией это поняла и мужественно сдерживает свои эмоции. А что творится в ее душе на самом деле, знает только она сама.

Панов резонно возразил, что и не такие запутанные дела успешно раскрывались и преступники представляли перед судом. А уж Новикову как руководителю службы безопасности и вовсе не пристало увязать в трясине фатализма. А то он не только разделяет пессимистические настроения Нелли Григорьевны в отношении поисков ее сына, но и сам себя уверил, что убийца Никиты никогда не будет найден и наказан.

По тому, как Новиков слушал пламенную речь Глеба, было видно, что у него чесался язык надлежащим образом прокомментировать оптимистические высказывания оратора. Он пару раз даже открывал рот, но передумывал и снова его закрывал, по-видимому, опасаясь наговорить лишнего. Но водочные пары все распирали и распирали его нутро, пока ломка болтливости не стала непреодолимой.

– Вот ответь, ты в сны веришь? – и Новиков ткнул пальцем чуть ли не в нос Глебу.

– Я? В сны? – вытаращил глаза Панов, отводя нетвердую конечность приятеля от своего лица. – А кого ты видел во сне? Уж не чертиков ли? – и Глеб многозначительно указал на бутылку с огненной жидкостью.

– Видел не я и не чертиков! – Новиков снова поднял руку с оттопыренным указательным пальцем, но на этот раз не тыкал им в нос собеседника, а только отрицательно покачал пальцем перед пановской физиономией. – Не чертиков, а Клеопатру в пышном царском одеянии, с короной на голове, со скипетром и державой, а из-под роскошного платья торчали ее обгорелые ребра. И рядом с ней Брут жалобно молил: «Отомсти убийце моей любимой жены Клеопатры, отомсти погубителю пятерых наших малых детушек!»

– Клеопатра?! – Панов раскрыл глаза еще шире. – При чем здесь египетская царица? К тому же Клеопатру никто не убивал, она покончила жизнь самоубийством с помощью ядовитой змеи. И пятерых малых детушек у нее не было, тем более от Брута, с которым она никогда не встречалась. Она имела только одного сына Цезариона, и не от Брута, а от Юлия Цезаря. Это исторический факт!

Новикова окончательно развезло. Из пьяного противоречия он продолжал бессвязно настаивать на своих антиисторических домыслах, не вникая в суть обоснованных возражений Панова.

– От кого? Юлия? Да, это ядовитая змея... Цезарион? Может, и Цезарион... Только он их всех, и Цезариона тоже, утопил в помойном ведре.

– Странный сон, – покачал головой Глеб. – Какая-то древнеисторическая фантазмагория! Египетская царица Клеопатра! Утопленники помойного ведра! Убийца Юлия Цезаря Брут! И кого же мучили эти ночные кошмары?

– Бр-р-р, – Новиков помотал головой, пытаясь стряхнуть с себя пьяную одурь. Хотя процесс самоотрезвления не совсем удался – он по-прежнему осовело таранился на собеседника, – но язык заворочался лучше. – Какой еще убийца Цезаря? Ты что, забыл? Брут – это Юлькин кот! Ты же его видел. А Клеопатра – ее любимая кошка, покойная... Дэн привязал ей к хвосту китайский фейерверк и поджег. Клеопатра, как комета с огненным хвостом, залетела в Юлькину комнату, сама сгорела и чуть не спалила весь особняк! Потом Дэн утопил в помойном ведре пятерых Клеопатриных котят. Юлька над ними тряслась, из пипеточки кормила детской молочной смесью с витаминами, называла всякими красивыми именами: Пушочек, Снежочек, Цветочек, может, и Цезарионом какого назвала, не знаю... А тут такой трагический сюрприз! Сколько было крику и слез, страшно вспоминать! Что с Юлией творилось, не описать словами! И так-то в Юлькиной голове «табуны ее мыслей шальных» скакали как ошпаренные, а после подобной трагедии все кони-мысли словно взбесились!

Двойное злодеяние Дэна, по мнению Новикова, послужило началом камнепада, а затем целой лавины неприятностей, обрушившихся на все никандровское семейство. Об этом он слегка заплетающимся языком и рассказал Глебу...

Глава 8

Весна только-только вступила в свои права. Еще робкое, нежаркое весеннее солнышко чуть согрело ступени мраморной лестницы зимнего сада, а Юлия, заботливая покровительница многодетной Клеопатры, уже вынесла ее многочисленное семейство на свежий воздух и уложила котят на пуховую перинку под живительные лучи ультрафиолета. Клеопатра, устроившаяся тут же, заботливо облизывала маленьких несмышленишек, а шустрые детки лакомились материнским молоком и получали витаминную подкормку из Юлиной пипетки. Закончив кормление подопечных, Юлия через зимний сад поднялась в свою гардеробную, чтобы подобрать наряд, подходящий для первого по-настоящему весеннего дня. Приглядывать за котятами она поручила Оксане, ну а Клеопатра как мать должна была заботиться о них по определению. Оксана же решила совместить приятное с полезным. Вооружившись шваброй, тряпкой и щедро окропив воду в ведре шампунем «Персиковый», она стала протирать итальянский мрамор ступеней, одновременно бдительно следя, чтобы какой-нибудь зубастый питомец, случайно улизнувший из Юлиного собачьего пансиона, ненароком не позавтракал беспомощными младенцами. Но роковая опасность подкралась с той стороны, откуда ее не ждали...

Клеопатре вскоре надоело оближивать малышек, и она оставила свой материнский пост ради приятного утреннего моциона. Во время прогулки легкомысленная мать и попала в лапы Дэна. Ее печальный пример всему прекрасному полу, и не только кошачьему, наука: кто манкирует своими родительскими обязанностями, рано или поздно обязательно вляпается в нехорошую историю.

Оксана полоскала грязную тряпку в ведре, когда внезапно раздался дикий вой и мимо нее пронеслась в зимний сад, а оттуда на лестницу, ведущую на второй этаж, вопящая огненная комета, зажигая на своем пути все, что могло гореть. Это Клеопатра с китайским фейерверком на хвосте мчалась в Юлину комнату. Оксана, громко призывая на помощь, побежала по ее огненным следам, прихлопывая на ходу мокрой тряпкой очаги возгорания. Юлия в это время в своей гардеробной подбирала весенний наряд, что было делом нелегким, так как в огромном, во все стену, гардеробе зимние одеяния висели вперемешку с летними, осенние – с бальными, стильные – с субтильными, а весенние в экстремальном беспорядке путались между всеми сезонами. Поэтому Юлия, вытаскивая платья, брюки, сарафаны, пальто, шорты, спортивные костюмы, купальники-бикини, зимние шапки, летние шляпы и прочие произведения Кардена, Гуччи, Дольче Габбана и иных элитных поставщиков, все это швыряла на пол. И отвергнутых нарядов скопилось уже огромная куча, чуть ли не под потолок. За ее спиной стояла Лидия и мимикой, а также бурчанием себе под нос выражала свое отношение к такому способу выбора одежды.

И тут в гардеробную с жутким душераздирающим мявом ворвался огненный вихрь, ибо где еще могла искать защиты несчастная Клеопатра, как не у своей хозяйки и благодетельницы?! Но горящее животное, добираясь до своей спасительницы, наткнулось на высоченную мягкую огнеопасную преграду, наполовину преодолело заграждение и пролезло в самую середину, где силы оставили ее, и она скончалась, предварительно запалив всю гору элитного тряпья. Из остоленения Юлию и Лидию вывела Оксана, ворвавшаяся вслед за Клеопатрой в гардеробную. Сначала орали все четверо, потом квартет перешел в трио. Оксана забивала огонь мокрой тряпкой, Лидия имитировала вой пожарной сирены, а Юлия схватила фарфоровую вазу с букетом цветов из Ниццы и швырнула ее в центр пожарища. Такая же участь постигла и другие цветочные вазы севрского, дрезденского, китайского, японского и отечественного фарфора. Грохот и звон бьющейся керамики, цветы из Ниццы, Голландии, Сингапура, Манилы и собственного зимнего сада вперемежку с черепками благородного стекла и тлеющими, чадающими, горящими и шипящими элитными тряпками, поджигаемыми снизу высококачествен-

ным, кустарной работы, китайским фейерверком и орошаемыми сверху водой, отчаянные вопли трех пожарниц – все слилось в одно. Из дыма, грохота и пламени, спасаясь бегством, выскочила Лидия и с криком: «Пожар! Горим! Спасите!» – понеслась по коридорам, лестницам и переходам особняка. Призыв о помощи услышал Новиков. С двумя огнетушителями в руках он первым примчался в гардеробную и залил пеной очаг возгорания.

Как только огонь был затушен, Юлия, несмотря на уговоры охранников покинуть задымленное помещение, стала копать в чадающих и дымящихся остатках своих нарядов и докопалась наконец до того, что осталось от бедной Клеопатры. Окропив ее бранные останки слезами поверх противопожарной пены, Юлия велела Оксане принести ларец из драгоценных пород дерева и поместила туда все, что осталось от ее некогда пушистой любимицы. Затем вместе с Оксаной, в слезах и саже, как два печальных ангела афроамериканского происхождения, они понесли ларец со скорбным грузом к месту временного упокоения, намеченного у подножия декоративной «Мазаевой внучки». Но не успели плакальщицы спуститься по лестнице к зимнему саду, как Юлия остановилась и встревоженно обернулась к Оксане:

– А как же котята?! Ты что, забыла? Они там одни!

– А что она может помнить? У нее голова дырявая! – тут же встряла спускавшаяся в конце процессии Лидия.

Ахнув, Оксана всплеснула руками и побежала вниз, к покинутому ею посту. Горестные крики и рыдания, тут же донесшиеся снизу, со ступеней зимнего сада, заранее известили Юлию о новой трагедии. И правда, выйдя из дверей Юлия увидела Оксану, плачущую и порицающую сквозь слезы Дэна за зверскую жестокость. Одновременно горничная доставала из ведра тела утопленных Дэном котят и раскладывала маленькие трупки в ряд на мраморной ступеньке. В нескольких шагах от нее стоял Дэн и, мерзко ухмыляясь, любовался плодами своих дел, не предвидя для себя ровно никаких неприятных последствий.

«Неприятности из-за каких-то кошек?! – вполне справедливо мог бы рассуждать Дэн в свои неполные четырнадцать лет. – Побойтесь Бога! Я и любой мой ровесник можем изнасиловать, а потом убить первую попавшуюся девчонку, а покажется нам мало – и двух, и трех! Или сначала убить, а насиловать уже мертвых. И нам по мудрым российским законам ничего за это не будет! Разве что пышнобедрая тетя с большими звездами на погонах погрозит пальцем: “Больше не шалите, малыши!” Так если закон позволяет мне безнаказанно убивать людей, как встречаемых, так и поперечных, и вообще всех, кого мне только заблагорассудится, то ответьте, положи руку на сердце: какие могут быть возражения против моих шалостей с кошками?!» И, уперев руки в боки и нагло усмехаясь прямо в лицо своей сводной сестры, Дэн возразил в ответ на стенания Оксаны:

– Подумаешь, стоило так орать. Я просто типа пошутил...

Возможно, Дэн и вправду был способен рассуждать и даже рассуждал здраво. Но при этом он не принимал во внимание некоторых особенностей менталитета столичных жителей. Тысячи и тысячи их сограждан, искалеченных, зарезанных, застреленных, задушенных, замученных, сожженных заживо, съеденных каннибалами и растерзанных бродячими собаками на улицах города-героя Москвы, – для них лишь отвлеченные цифры статистики и воспринимаются ими с равнодушием, удивляющим как социологов с политологами, так и психологов с психиатрами. Но если какой-нибудь злодей и изверг в ответ на нечаянный укус покалечит, а то и убьет доброго двортерьера Шарика или лохматую очаровашку Жучку, негодующие москвичи выйдут на демонстрацию протеста с красочными плакатами и транспарантами, запикируют суд, требуя сурового наказания для преступника, а затем обязательно добьются установки бронзового памятника безвременному другу или подруге человека. Да что москвичи! А жители второй нашей столицы? Разве они не установили бронзовый памятник Чижикю, который на вопрос: «Чижик-пыжик, где ты был?» – неизменно отвечал: «На Фонтанке водку пил. Выпил рюмку, выпил две – закружилось в голове». Водка, как это часто бывает,

оказалась паленой, кружением головы последствия возлияний не ограничились, и летальный исход воплотился в бронзу... Вот так, Чижику, загубленному метиловым спиртом, поставили памятник. А как почтили память сотен тысяч россиян, уморенных представителями среднего и малого криминального бизнеса точно таким же способом? Где монумент погибшему от белой горячки крепко выпивающему россиянину или памятник неизвестному умеренно пьющему гражданину России, польстившемуся на дешевую ядовитую бормотуху? Нет ни того, ни другого! И не будет! А памятники Шарику, Жучке и Чижику стояли, стоят и будут стоять вечно как символы двух столичных менталитетов в рамках одного российского либерально-гуманистического проекта! И Юлия, горячая поклонница либерального гуманизма, жила и постоянно боролась под лозунгом «Животнолюбивые идеи – в жизнь!» Этих-то обстоятельств и не учел Дэн, позволив себе беззаботно и гадостно усмехаться. Он знал либеральный гуманизм с хорошей для него стороны, теперь ему предстояло узнать его с плохой...

Увидев своего обидчика, погубителя всего кошачьего семейства, и узрев его мерзкую ухмылку, Юлия бережно опустила ларец с обугленными останками Клеопатры на ступеньку, затем мгновенно схватила орудие Оксаниного поломоного производства и, вся в саже и противопожарной пене, со шваброй наперевес, с яростным визгом ринулась на Дэна. Со стороны это, наверное, напоминало лихую атаку Дон Кихота Ламанчского на ветряную мельницу. Только Дон Кихот был женского рода, пеший и «африканского происхождения». А Дэн, хоть и махал руками, словно ветряк крыльями, отразить атаку Ламанчской фурии, как его механический прототип, не сумел и получил шваброй сначала по скуле, потом по спине, далее по пятой точке. Сам характер этих ранений свидетельствовал о позорном бегстве юного живодера. Преследуемый разъяренной черной Немезидой, он улепетывал во все лопатки, путая следы. Затерялся в коридорах и переходах особняка и в конце концов затаился в маминной спальне под кроватью, с наливающимся здоровенным синяком под глазом. А Юлия все носилась по особняку в поисках кошкоубивца и то истерически рыдала, то, потрясая шваброй, раздражалась страшными угрозами в его адрес. Она ворвалась в комнату Дэна и принялась там крушить компьютеры и наинovelшую электронику, которой интересовался разносторонне развитый ребенок. Разгромив электронно-компьютерную студию Дэна, мстительница переместилась в будуар мачехи. Не обнаружив изверга и там, она в ярости стала лупить шваброй по изящному туалетному столику мадам Никандровой. Флаконы с дорогими французскими духами разлетались вдребезги, чудодейственные мази и притирания разноцветными пятнами залепили стены будуара и антикварное венецианское зеркало, перед которым Нелли обычно наводила красоту. Впрочем, и зеркало неукротимая преследовательница напоследок безжалостно разнесла на мелкие сверкающие кусочки, разлетевшиеся по гламурным будуарным закоулкам. Удушливый запах французских, индийских, арабских, тайских и прочих благовоний распространился по всему особняку. Нелли безуспешно пыталась воззвать к помутившемуся разуму падчерицы, призывала ее к спокойствию, но миротворство вела на расстоянии, боясь получить под горячую руку шваброй по лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.